

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ РЕГИОНЫ ПРАВА

М. В. УЛЬМЕР-БАЙТЕЕВА*

Ульмер-Байтеева Марина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Казанского юридического института Всероссийского государственного университета юстиции РФ (РПА Минюста России)

Классические исследования концептуальных и теоретических проблем права концентрируются на изучении «общего» и «универсального» для правовых систем. Основные вопросы рассматриваются теорией через понятийный аппарат, который представляет право в «общих» логических и «универсальных» языковых формах. Между тем язык права никогда не бывает нейтральным к тому, что он представляет, и влияет на существование права в качестве предмета. Автор следует постклассическим взглядам на то, что язык не только метод называния (дефинирования) предметов, но и способ их понимания человеком. Право видится нам в различных формах, что делает необходимым анализ этих представлений, которые связаны с нашим восприятием и пониманием. Многообразие образов права раскрывается с помощью феноменологического метода и идеи Гуссерля о том, что формы представления предметов всегда зависят от их онтологической дифференциации. Гуссерль различает дифференциацию онтологии материальных объектов, событий, состояний и отношений, а также формальных и апофантических предметов теории, выраженных понятиями и категориями.

Обсуждение сущности предмета права и его предикативных форм позволяет проводить различия между тем, «что» представляет собой право, и тем, «как» оно в реальности существует. Классический предмет права, обозначенный и включенный в дефиницию понятия, выступает как метафизический конструкт вне реального бытия. Дифференцированная онтология права помогает делать наглядным, что «жизненный мир» и «мир знаний» принадлежат к разным видам реальностей, которые не проецируемы друг к другу. Как считает автор, формально-логический анализ права всегда противопоставлен опыту понимания права, в пространстве которого живет и действует человек. Понимание права выступает как метод интерпретации, который направлен на реконструкцию сформированных значений с позиции разных субъектов. Цель понимания права направлена на экспликацию

* Ulmer-Bayteeva Marina Vladimirovna — candidate of legal sciences, associate professor of the Department of Civil Law and Procedure, Kazan Law Institute of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

E-mail: mbayteeva@yahoo.de

© Ульмер-Байтеева М. В., 2016

значений того, что из внутренней перспективы выражает действие или переживание человека. Как подчеркивал Хайдеггер, понимание не достигается специальными научными методами, которые ориентированы на познание и теоретическое понимание; понимание есть практическая сторона жизни человека, связь с жизненными ситуациями, которые проектируют различные возможности для права. Способность понимания права развивается через коммуникацию и диалог, которые помогают находить компромисс для разных субъектов. Как показывает феноменологический взгляд на право, правовое знание является не только социальным продуктом, но и продуктом индивидуальных ценностей, переживаний и действий человека. По мнению автора, ключевым моментом постклассического правопонимания выступает вопрос о том, что лежит в основе бытия права как «предмета» — язык, мысли, индивидуальный опыт, действия или социальная практика. Этот подход требует рассмотрения права через перспективу дифференцированной онтологии, где право принадлежит различным видам реальности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: онтология и эпистемология права, дифференцированная онтология права, феноменологический метод в праве, знаковые формы права, понятие права, семантика и прагматика права, язык права, правовая коммуникация, диалог права, сущность права, ценности права, правовые действия, предмет права и его значение, постклассический подход к изучению права, понимание права.

ULMER-BAYTEEVA M. V. ONTOLOGICAL DOMAINS OF LAW

Classical studies of conceptual and theoretical problems of law focus on the nature of the law as such, common and universal for any legal system. The main issues are addressed by the theory through the conceptual framework which represents the law in “general” logical and “universal” linguistic forms. However, the language of the law is neither neutral to what it represents, and it influences the existence of the law as a subject. The author follows postclassical views according to which the language is not only the method of denominating (defining) the subjects, but also a means of their understanding by a person. The law is presented to us in various forms which necessitate the analysis of these representations connected with our perception and understanding. Variety of images of the law is revealed through a phenomenological method and Husserl’s idea that the forms of representing the subjects always depend on their ontological differentiation. Husserl distinguishes between the ontology of tangible objects, events, states, and relations, as well as formal and apophantic subjects of the theory expressed through concepts and categories. Discussions of the essence of the subject of law and its predicative forms allow making distinctions between “what” the law is and “how” it actually exists. The classical subject of the law included in the definition of the notion is a metaphysic construct outside of the real existence. Differentiated ontology enables to illustrate that the “real world” and the “world of knowledge” belong to different types of realities which cannot be projected to one another. According to the author, the formal and logical analysis of the law is always opposed to the experience of law understanding where a person lives and acts. Law understanding is a method of interpretation which aims at reconstructing meanings from the perspectives of different agents. Law understanding aims at explicating the meaning of what expresses an action or experience of the person from an inner perspective. According to Heidegger, understanding is not achieved by special scientific methods which are directed at cognition and theoretical understanding; understanding is a practical aspect of the person’s life, connection with real life situations which project various possibilities for the law. The ability to understand the law is developed through communication and dialogue which help to reach a compromise for different agents. According to the phenomenological approach to the law, the legal knowledge is not only a social product, but also a product of individual values, experience and actions of the person. According to the author, the key aspect of the post-classical view is the

question of what underlies the existence of the law as the “subject”: a language, thoughts, personal experience, actions, or social practice. This approach requires the law to be viewed through the perspective of the differentiated ontology where the law belongs to different types of reality.

KEYWORDS: ontology and epistemology of law, differentiated law ontology, phenomenological method, sign forms of the law, notion of the law, semantics and pragmatics of the law, language of the law, legal communication and dialogue, essence of the law, legal values, legal acts, subject of the law and its meaning, post-classical approach to studying the law, law understanding.

О различиях классической и неклассической онтологии. Онтология (в переводе с греч. «онто, онтос» — сущее) занимается всеобъемлющими вопросами — «что» и «как» существует в реальности¹. Уже в античные времена онтология рассматривалась в качестве теоретической науки о сущем. Для Аристотеля сущее есть все, что существует в соответствии с определенными принципами и причинами². Начиная с Канта, вопрос о сущем был радикально переформулирован в вопрос об условиях познания бытия. С этого момента онтология была вытеснена эпистемологией. Классическая теория познания представляет собой дескриптивный дискурс, т. е. описание мира, которое рассматривается как сам мир³. Такой «эпистемолого-дескриптивный» подход часто называют репрезентацией (или «дублированным» представлением) реальности. Метод такого представления выступает, как замечал Э. Гуссерль, «олицетворением мечты Лейбница о системном единстве априорных наук, порождая особую форму

¹ Начиная с XVII в. термин «онтология» стал использоваться для обозначения учения о бытии и сущем, определяя через понятия формальные и материальные принципы реальности. В античности онтология не выделялась в качестве обособленного учения, а являлась основной частью Общей метафизики. Она занималась высшими принципами и законами бытия: они должны были быть непротиворечивы, за это отвечал формально-логический аппарат, который использовался для установления истины в высказываниях о бытии. Так, «предмет» (или конкретный объект) признавался реальным, а высказывание о нем истинным, если все утверждения о нем соответствовали закону достаточного основания. Анализом содержания разных предметов занималась «материальная» онтология, которая структурировала и упорядочивала элементы конкретного бытия по группам, видам и родам, отличая тем самым одно явление от другого. Таким образом, классификация бытия, где систематизировались и упорядочивались Часть и Целое, с помощью которых явления реального мира находили свое место, выступала задачей материальной онтологии (Ontologie // Der Brockhaus Philosophie. Idee, Denker und Begriffe. Leipzig, Mannheim, 2004. S. 242–243).

² Такой подход был обозначен Аристотелем в качестве первой философии обоснования бытия вещей, которые в свою очередь предпосылались затем другим наукам. Вопрос о причинах и принципах сущего (субстанции — от греч. *Usia*) соотносится мыслителем с основой бытия вещи. Для Аристотеля это форма сущего (от греч. *Eidos*), которая обозначается им как первая субстанция. В дальнейшем Аристотель ввел другие базовые понятия онтологии, и к понятиям «форма» и «материя» добавились «акт» и «потенция», «истина» и ряд других, которые составляют словарь общей метафизики (Ontologie // *Metaphysics*. The Cambridge Dictionary of Philosophy. 3rd ed., 2015. P. 661–662).

³ *Schädelbach H.* Erkenntnistheorie zur Einführung. Junius Verlag, 2002. S. 7ff.

догматизма, преодолевающего необходимость своего обоснования»⁴. Поэтому призыв феноменологии «К самим вещам!» означает отказ от репрезентативного представления мира и удвоения его структур с помощью понятий и категорий.

Начиная с феноменологии мир становится объектом не только познания, но и понимания его законов и структур. Поскольку мир целиком познать невозможно, феноменология пытается фундаментально изменить подход к пониманию бытия: мир больше не рассматривается как некое абстрактное единство, он представляется как процесс отношений составляющих его «частей»⁵. В феноменологической перспективе целостный «предмет» дифференцируется на неоднородные сегменты, которые характеризуются особенностями организации отношений между разными компонентами с учетом особенностей их бытия⁶. Изучением такой дифференциации занимается *стратифицированная онтология*⁷. Идею дифференцированной онтологии предлагал еще до Э. Гуссерля Ф. Brentano⁸, который выделил особенности материальной онтологии, называемой сегодня реизмом (от лат. *Res* — вещь). Отталкиваясь от этих положений, Э. Гуссерль выдвигает идею предметной «региональной онтологии».

Критикуя феноменологический взгляд на онтологию, Н. Гартман разрабатывает свой вариант, диверсифицирует онтологию на отдельные «слои бытия», показывая, что сущее разнообразно, но познается с помощью категориальных форм⁹. В отличие от Гартмана и Гуссерля, М. Хайдеггер полагал, что отдельные виды реальности нередуцируемы к понятиям и категориям. Таким видом реальности является прежде всего мир человека, представляемый онтологией *дазайн* (*Dasein*). «Быть-в-мире», по Хайдеггеру, означает изменять этот мир. Такие изменения происходят через активность человека, разнообразие его деятельности, которые выражаются не через категориальные, а через экзистенциальные формы

⁴ Husserl E. *Phänomenologia* // Encyclopaedia Britannica (1927). — Цит. по: Husserl E. *Die Phänomenologische Methode. Ausgewählte Texte*. Reclam, 1998. S. 218.

⁵ Анализ отношений Части и Целого может быть мереологическим (от греч. «меризм» — часть, доля) методом умозаключения и выявлять упорядоченность и определенность вещей, исходя из того как «целое» становится суммой «частей» и чем определяется их качественное состояние. Переход от части к «целому» может осуществляться на основании не только абстрагирования, но и идеации. Специфика такого перехода состоит в том, что при осуществлении переноса свойств и отдельных частей на «целое» происходит изменение сущности. Это отражает общие свойства множества сложных явлений, надывдивидуальность которых выражает свойства практически всех социальных объектов (*Словарь философских терминов* / под ред. В. Г. Кузнецова. М., 2004. С. 316).

⁶ Ingarden R. *der Streit um die Existenz der Welt*. Bd. 2. *Formalontologie. Teil 1. Form und Wesen; Teil 2. Welt und Bewußtsein*. Tübingen, 1965.

⁷ Васюков В. Л. *Формальная феноменология*. М., 1999. С. 12–13.

⁸ Brentano F. *Die Lehre vom richtigen Urteil: nach den Vorlesungen über Logik mit Benützung anderer Manuskripte aus dem Gebiete der Erkenntnistheorie* / F. Brentano. Aus d. Nachlaß hrsg. von Franziska Mayer-Hillebrand. Bern, 1956.

⁹ Hartmann N. *Der Aufbau der realen Welt: Grundriß der allgemeinen Kategorienlehre* / von Nicolai Hartmann. Berlin, 1940.

(экзистенциалы)¹⁰. Это дает толчок непредметной онтологии, которая получает развитие у многочисленных последователей философа¹¹.

В современной философии, в частности в работах известного философа У. Куайна, вид непредметной онтологии получает особое развитие в «онтологии языка». Мыслитель подчеркивает, что любое сущее может выражаться через различные языковые формы, с помощью которых мы говорим о нем¹². Именно с вербальной предикацией связаны наиболее перспективные идеи о природе «динамических сущностей», которые представляют собой особый «предмет» онтологии событий¹³.

Преимущества «сегментации» онтологии заключаются в том, что различия предметных априори позволяют допускать трансформацию соответствующих им конструкций и форм, которые относятся к разным видам реальности. Свидетельством многообразия существования предметов выступают разные способы восприятия человека. С точки зрения феноменологии между чувственным восприятием и интенциональным переживанием существует коррелированная связь. Она характеризуется, прежде всего, тем, что интенциональное переживание невозможно без восприятия, и наоборот. Представляется, что в свете этих идей классические подходы к правопониманию получают принципиально новый взгляд на природу бытия права.

Факторы регионализации онтологии. Феноменология предлагает принципиально новый фундамент, на котором исследуются разные предметы — дифференциация видов их бытия. При этом природу таких феноменов, как опыт, мысли, чувства, желания, мотивы, действия, нельзя просто свести ни к идеальному, ни к материальному основанию¹⁴. «Каждый из них предусматривает рефлексию над данными “предметами” особым способом», — писал Гуссерль¹⁵. Когда мы думаем о чем-то, оцениваем что-то, желаем чего-то, стремимся к чему-то, в поле нашего внимания попадают те «предметы», которые соответствуют этим актам, — мысли, цен-

¹⁰ *Heidegger M. Sein und Zeit.* Max Niemeyer, Tübingen, 1986. S. 298 f.

¹¹ М. Хайдеггер установил новое онтологическое основание для наук, поскольку сущее дазайна «самовыражается», иначе выражает само себя, но не в предметных формах, а в формах экзистенциальных (*Metaphysics. The Cambridge Dictionary of Philosophy.* P. 661–664).

¹² *Quine W. Wort und Gegenstand.* Stuttgart: Reclam, 1980. — Уже Аристотель обращал особое внимание на роль языка. Так, он относил языковые выражения (категории высказывания), связывающие различные ссылки и отношения с первичным сущим, к средствам обоснования конкретной вещи (*Ontology.* P. 661–662).

¹³ *Васюков В. Л.* Формальная феноменология. С. 12–13.

¹⁴ *Husserl E. Phänomenologia // Encyclopaedia Britannica (1927).* — Цит. по: *Husserl E. Die Phänomenologische Methode. Ausgewählte Texte.* S. 197ff.

¹⁵ Феноменология предлагает совершенно новый тип рефлексии, который противоположен той, что обычно представляется в качестве интерпретации реальности. Особенность ее состоит в том, что «феноменологическая рефлексия протекает не логико-дедуктивно, а наоборот, через реконструкцию тех логических структур, на которых представляется образ мира и его объектов», — пишет известный феноменолог Ф. Фельман. Процесс реконструкции означает сцепление сознания с предметом, или интенциональность (*Fellmann F. Phänomenologie.* Junius, 2006. S. 33).

ности, цели и т. д. Проблема их исследования и оценки очевидна, поскольку проблемными являются прежде всего сами акты такого внимания — психические переживания и действия, с помощью которых предметы реализуются или осознаются. Рефлексия над данными проблемами ведет к тому, что вместо «просто» вещей, ценностей и целей, которые переживаются, они предстают в особой форме «феноменов». Особенность феноменов состоит в интенциональности¹⁶. Поэтому первым фактором регионализации онтологии выступает интенциональность¹⁷.

То, что интенциональность, направленная к самым разным объектам, позволяет допустить различия в их онтологии, предположил еще Ф. Brentano. Так, он проанализировал интенциональность различных предметных групп и на этой основе дифференцировал единую онтологию на «онтологию вещи», «онтологию состояния дел» и «онтологию оценок»¹⁸. Каждая из них характеризовалась специфической сущностной основой при переходе от психических актов к самим предметам, выступавшим коррелятами этих актов. Ф. Brentano разграничивает интенциональные корреляты на вещи, ценности и события. Например, в соответствии с интенциональными коррелятами «онтология вещи» предполагает переход от психических актов представлений к исследованию непсихических коррелятов представлений — самих вещей. Переход от психологии суждений к онтологии корреляционных актов суждений приводил к дифференциации фактов/состояния дел. «Онтология оценок» служила дифференцированию психологии чувств, воли или предпочтений, привязанных к соответствующим корреляционным актам «ценностных феноменов». При этом Ф. Brentano придавал приоритетное значение материальным вещам, что позволяло отвергать всякую спекулятивную философию, за что его поход и называют «концепцией реизма». Учитывая, что классическая философия признавала на протяжении всей своей истории существование не только материальных, но и идеальных предметов, мыслитель предлагал все не вещные свойства или состояния «перефразировать» в языке, который обладает универсальным свойством — материальной основой различной модификации (звука, слова, символа и т. д.). Этот аспект является базовым и для современных «интенциональных» подходов в онтологии языка.

Связь между феноменом познания и объектом познания открывает новые перспективы для понимания разных видов реальности. Способ корреляции интенционального акта с соответствующим предметом по-

¹⁶ Husserl E. *Phänomenologia* // Encyclopaedia Britannica (1927). — Цит. по: Husserl E. *Die Phänomenologische Methode. Ausgewählte Texte*. S. 198.

¹⁷ Интенциональность выводится на основе связи с тем конкретным предметом (конкретным объектом), на который направлено сознание. С точки зрения феноменологии в исследованиях самых разных объектов мы прежде всего работаем с объектами интенциональными, выделяем и исследуем именно их структуры, отношения и свойства. «Мыслимость объектов всегда означает ситуацию их истолкования, когда они превращаются в “интенциональный объект” на который направлено внимание», — отмечает российский философ В. Л. Васюков (*Васюков В. Л. Формальная феноменология*. С. 3–5).

¹⁸ Brentano F. 1) *Psychologie vom empirischen Standpunkt*, 1984; 2) *Die Lehre vom richtigen Urteil*, 1956. — Цит. по: *Васюков В. Л. Формальная феноменология*.

зволяет связать теорию познания с онтологией, которые начиная с Канта разграничивались между собой. Дальнейшее развитие феноменологии показало, что средствами познания мира могут служить самые разные инструменты. Главный «генератор» классических «предметных» представлений — метод абстракции — вовсе не является незаменимым. Феноменологический метод идеации и рефлексия позволяют не только глубже познать, но и понимать мир¹⁹. Это дает основание называть феноменологию онто-гносеологическим проектом исследования реальности²⁰.

Особенности региональной онтологии. Понятие «онтологический регион» Гуссерль употреблял для характеристики обособления предметов, которые лежат в основе разных наук. Каждому региону, подчеркивал мыслитель, соответствует своя особенная сущность²¹. В отличие от отдельных наук феноменология способна поддерживать связи с самыми разными предметами, где знания дифференцированы по формам и способу их представления. Даже если представление оформлено понятием, но совпадает с актом интенции сознания (переживанием), содержание знаний приобретает феноменологическое значение чистого, достоверного знания. Поэтому переживание выступает универсальной сущностью феноменологии: оно может быть направлено на любой предмет из самых разных онтологических регионов.

Исследование связи между предметом и представлением преследует в феноменологии не дескриптивную, а реконструкционную цель. «Каждый акт познания необходимо подвергать реконструкции, рассматривая любую презентацию в качестве репрезентации и наоборот», — подчеркивает Гуссерль²². Цель этого акта — получение чистого знания, свободного от заданных установок. Следуя данной задаче, феноменология расчленяет процесс познания на два уровня представления знаний: 1) эйдетическую феноменологию в качестве универсальной онтологии, и 2) науку о мире фактов, основанную на интерсубъективности²³. Первый уровень представляет собой, по замыслу Гуссерля, универсум методов для второй, но в собственном методологическом обосновании рекурсирует сам к себе.

Хотя сам Гуссерль акцентирует внимание не столько на онтологических особенностях исследований, сколько на соответствующих им сущностях, он предполагает дифференциацию между предметным и непредметным видами бытия. «Каждый вид реального и ирреального от предметов и вещей до идеальности значения и общей сущности, которая является особым случаем идеального, имеет свой способ дифференциации по отношению к реальности. Но это не изменяет принципиального обособления

¹⁹ Janich P. Sprache und Methode. Eine Einführung in philosophische Reflexion. UTB, 2014. S. 144ff.

²⁰ Fellmann F. Phänomenologie. Junius Verlag, 2006. S. 27.

²¹ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологическая философия. Книга 1. Введение в чистую феноменологию. М., 2009. С. 134–140.

²² Husserl E. Cartesianische Meditationen. Hamburg, 1995. S. 290f. — Цит. по: Fellmann F. Phänomenologie. S. 31.

²³ Husserl E. Phänomenologia // Encyclopaedia Britannica (1927). — Цит. по: Husserl E. Die Phänomenologische Methode. Ausgewählte Texte. S. 221f.

между реальным и ирреальным», — пишет мыслитель²⁴. Это позволяет ему выделять: онтологию природы, которая характеризуется пространственно-временным существованием; онтологию жизненного мира человека — в социокультурном измерении реальности; формальную онтологию — сферу абстрактно-логической реальности; и область бытия сознания с особым видом реальности трансцендентальных объектов.

В многомерном и неоднородном пространстве бытия потенциально регионом может стать любой сегмент интенционального переживания, которое направлено на разные предметы, существующие обособленно друг от друга в силу особенностей их законов и организации²⁵. Местом их «встречи» выступает сознание, которое является местом чистой трансцендентальной реальности²⁶. Предметы данной реальности выступают квазипредметами, поскольку они существуют не реально, а интенционально, через соответствующий эквивалент опыта. Такой опыт возможен как в сфере идеальных и эмоционально-психических переживаний, так и в сфере действий человека, а также может переноситься на Других. «Идентичность идеального, ее предметность в аспекте “показывать себя” непосредственно или быть прямо узнаваемой аналогична обычным предметам опыта, таким как природа или психические данные <...>. Любая идентификация как корреляты сущности принадлежит смыслу предмета опыта и проявляется в самосхватываемости всех индивидуальных данных» — пишет Э. Гуссерль²⁷. Способ схватывания — эвиденция (явленность и очевидность) выступает универсальным свойством интенциональности, которая «обязывает» предмет к *самодемонстрации* с помощью универсальных телеологических структур. В таком контексте категории «предметность» и «эвиденция» коррелятивны, ведь любой предметности принадлежит тот базовый опыт, который является опытом удостоверения очевидного²⁸.

Идея Гуссерля о способности предмета к самоочевидности в разных сферах опыта была положена в основу постклассической философии. Так, М. Хайдеггер и М. Шеллер выделили на этой основе особый вид непредметной онтологии. В первом случае традиционный предмет вытесняется, по Хайдеггеру, действием; во втором, по Шеллеру, — чувствами человека. Как действие, так и чувства интенциональны и как феномены сами себя выражают без посредников (понятий или категорий). Каким образом происходит их узнавание — идентификация?

²⁴ Husserl E. *Psychologismus und transzendente Grundlegung der Logik* // Husserl E. *Die Phänomenologische Methode. Ausgewählte Texte I*. 1998. S. 233.

²⁵ Несмотря на схожесть понятий, идея трансцендирования в феноменологии имеет мало общего с классическими, прежде всего с кантовскими, представлениями. Решение проблемы синтетического познания через формы суждения и дедукцию феноменологией решительно отвергается. Вместе с тем Гуссерль использует понятие категорий, которые использовались неокантианством как основание инвариантных структур восприятия к открытым системам символических форм. Тем самым априори имеет для Гуссерля смысл структуры.

²⁶ Иванов Д. В. Что такое квалиа? // *Сознание. Практика. Реальность* / под ред. И. Д. Джохадзе. М., 2013. С. 30–46.

²⁷ Husserl E. *Psychologismus*. S. 233.

²⁸ *Ibid.* S. 239–240.

С точки зрения феноменологии отдельный онтологический сегмент характеризуется несводимым к другим сущностям эйдосом, который идентифицирует каждый отдельный регион²⁹. Это позволяет феноменологии различать разные виды знаний, в том числе знания неформализованные, которые не поддаются унификации и дедуцированию. Особое значение здесь имеет ценностное знание, которое играет в социогуманитарной сфере исключительную роль³⁰.

В отличие от метода абстракции феноменологический метод идеации отражает индивидуальность восприятия, которая работает с интенциональной формой предмета. Интенциональный предмет (или ноэма) права представляет собой тот полюс, к которому стянуто и в котором объединено все многообразие представлений о нем. Не случайно феноменология называет интенциональный предмет «ноэматическим ядром», которое выступает в качестве единства всех предметных форм. Совокупное содержание приобретает качество «конкретного-предмета-в разных способах его представления», что указывает на его «ноэматический смысл». «Оригинальность» такого представления предмета заключается не просто в форме интенционального переживания, но и в особом способе получения феноменологического знания. Знание, которое предстает в «интенциональной форме», всегда указывает на свою оригинальность. Форма, где право предстает как «интенциональный предмет», позволяет освободить его содержание от внешних «оболочек». После такого освобождения содержание интерпретируется, а затем апперципируется с маркировкой «понятый предмет». Феноменология называет такой процесс «одушевлением материи», или «ноэзисом», что можно рассматривать как продуктивное схватывание данных.

Идеацию можно считать в отличие от абстракции неязыковым способом представления «предмета». Подобным способом в геометрии задается образ пространственных фигур, и за их идентификацию отвечает символ или знак, свободный от прототипов. Модель такого — феноменологического представления предмета образуют: 1) предмет представления, 2) содержание представления и 3) соответствующий интенциональный акт³¹. Особым признаком этой модели выступает разграничение ноэмы

²⁹ Можно сказать, что регионы различных предметов права характеризуются особенностями их организации. Именно бытие предмета (или, проще, вид его существования) задает онтологический статус, свойства и закономерности, что делает наглядными особенности каждой из предметных сфер. Структура знаний о правовом предмете характеризуется его региональной сущностью, или, как говорят феноменологии, «эйдосом». В отличие от метода абстракции, который превращает знания в универсальный эпистемологический предмет через бинарную форму «понятие», в рамках региональной онтологии предмет формируется на основании его «персонального паспорта» — эйдоса. Идея эйдоса, которая образует стержень метода идеации, по замыслу Э. Гуссерля, призвана показывать онтологические различия предметов. Это объясняет существование разных видов понимания права, поскольку «эйдос» права характеризует структуру, связи, организацию и особенности разных видов представления правовых знаний.

³⁰ Шульга Е. Н. *Философия сознания как фундаментальная проблема эпистемологии* // Сознание. Практика. Реальность. С. 80.

³¹ Васюков В. Л. *Формальная феноменология*. С. 207.

и объекта, которые принадлежат к разным онтологическим сегментам, но состыкуются через нозис. Отнесение нозмы и объекта к разным видам бытия сближает феноменологию с некоторыми подходами философии языка (теория интенциональности, референциальная теория сознания), которые также опираются на интенциональность³².

Роль структуры в региональной онтологии. Понятие «структура» образует основу метода феноменологии, поскольку поддерживает онтологические разграничения предметов. Благодаря этому феноменологический взгляд на предмет определялся Гуссерлем как «норма, которая в ее познаваемой схватываемости и сущностной зависимости связана со знанием структур региональной сферы»³³. Образую мост между предметом и его описанием, структура играет роль руководства в феноменологическом исследовании.

Анализируя «общие» свойства структуры «чистого сознания», Э. Гуссерль показывает, что структура всегда отпечатана тем предметом, на который направлено сознание. Математический предмет существенно иной, чем предмет эмпирический: последний всегда открыт опыту, в то время как первый этого не предполагает. В то же время структура имеет и другую сторону, связанную с сознанием. Таким образом, феноменологическая структура как связь различных сторон (субъективно-ноэтической и объективно-ноэматической) — это структура нозма-ноэтическая³⁴. В этом смысле феноменологическое понятие «структура» выступает посредником между сознанием и бытием.

В «Картезианских медитациях» Гуссерль анализирует структуру в разных аспектах анализа сознания: он говорит о типологии структуры, правилах структуры, формах структуры, системе структуры и т. д.³⁵. Феноменологическая структура относится не к классическим средствам, существующим отдельно от мира, а существует одновременно с предметом, на который направлено сознание. Понятие «структура» суммирует мысли и действия, дух и материю, выступая «общим знаменателем» для всех онтологических сфер³⁶. Структурность отношений сознания и мира является основой конструктивизма, делая любую реальность относительной.

С методологической точки зрения понятие «структура» может пониматься как форма описания, соответствующая грамматической форме высказывания. Это допущение позволяет отнести феноменологическую структуру к внутренней реляции предмета³⁷. В отличие от естественных

³² Там же. С. 56.

³³ Husserl E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Ergänzende Texte (1912–1929). T. 3–1 // Gesammelte Werke. Bd. 3. Haag, 1976. S. 161ff.

³⁴ Husserl E. Die Ideen der Phänomenologie. Fünf Vorlesungen // Gesammelte Werke. Bd. 2. 1 Aufl. Haag, 1950. S. 161f.

³⁵ Husserl E. Cartesianische Meditationen und Pariser Vorträge // Gesammelte Werke. Bd. 1. Haag, 1950. S. 88f.

³⁶ Husserl E. Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie // Gesammelte Werke. Bd. 6. Haag, 1954. S. 142f.

³⁷ Wittgenstein L. Logisch-philosophische Abhandlung. Tractatus logico-philosophicus. Kritische Edition. Frankfurt, 1998.

законов и классических структур феноменологическая структура соединяет внутреннее и внешнее в целое, требуя переосмысления того, что принято называть правилом соединения отдельных частей³⁸. Поэтому можно утверждать, что в идее Гуссерля о «чистой логике» отражены два кризиса философии того времени — кризис логической семантики (в аспекте понимания значения) и кризис кантианства, где интенциональность трактует по-новому трансцендентальное сознание.

В первом издании «Логических исследований» Гуссерль дифференцирует знаки языка на «указатели» и «слова-выражения», фундаментальную разницу которых отражает понятие «референция». Под указателями Э. Гуссерль понимает явления, связанные с естественными событиями и состоящие с ними в причинно-следственных отношениях. Примером таких событий является дым от огня или след на снегу, которые семиотика называет индексными знаками. «Слова-выражения», наоборот, мыслитель считал идеальными образованиями, значение которых не совпадает с самим предметом. Э. Гуссерль берет на вооружение анализ Г. Фреге о различии смысла и значения (англ. — *meaning* и *reference*), рассматривая значение теоретически, т. е. как результат акта сознания, которое создает (осуществляет) значение. Термин «создание» («осуществление») в понимании мыслителя выступает мостом от логико-семантического к феноменологическому рассмотрению предмета. В начале пятой части «Логических исследований» Гуссерль еще раз обращает внимание на этот момент, что делает очевидным важность «идеальности» значения, которое он связывает с субъективностью.

В принципе «идеальность» значения никогда не ставилась под вопрос. В классической семантике значение не идентично предмету, и именно субъект относит его к определенному предмету. Э. Гуссерль интерпретирует знаковые отношения как некий акт сознания, который представляет знак. Результат духовной активности сознания, включая языковую практику, часто преодолевает порог интенциональности. Например, тексты или картины становятся самостоятельными сущностями. Очевидно, это имеет в виду Э. Гуссерль, говоря о смысле идеального значения.

По мнению некоторых философов, Э. Гуссерль не смог гармонизировать открытость опыта и закрытость структур. «Жизнь и “форма” находятся в диалектических отношениях, которые феноменологически не преодолеваются, хотя и показывают их дифференциацию», — писал Ж. Деррида³⁹. Вместе с тем очевидно, что Э. Гуссерль называет структурным отношением то, что в семантическом смысле является «значением»⁴⁰. Именно так можно интерпретировать структуру, которая отвечает за отношения и внутренние связи представления. Неслучайно феноменологию иногда называют «феноменологической теорией значения», хотя структурный анализ протекает здесь во внеязыковой сфере. Тем не менее он побуждает к переносу фе-

³⁸ Szilasi W. Einführung in die Phänomenologie Edmund Husserls. Tübingen, 1959. S. 91.

³⁹ Derrida J. Die Schrift und die Differenz. Frankfurt, 1972.

⁴⁰ Gadamer H. G. Wahrheit und Methode. Tübingen, 1975. S. 212; Dilthey W. Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften // Gesammelte Schriften. Bd. 7. Göttingen, 1958. S. 116.

номенологических понятий на символические формы образования языка (в форме выражений).

Горизонт интенциональности, по Гуссерлю, — это некий сигнал или знак того, что еще не завершено, но всегда уже присутствует в структуре⁴¹. Благодаря данному подходу многие идеи конструктивизма получили «путевку в жизнь» в философии языка, где интенциональность воспринимается как функция языковых значений⁴². В этом смысле феноменологическая структура ведет в глубины сознания, которое образует поле ссылок и отношений, разделяя *langue* и *parole*. Соответственно процесс понимания структуры выступает особой символической связью человека с миром⁴³.

Особенности феноменологического исследования права. Надо заметить, что специально феноменологией права Гуссерль не занимался, хотя имел в данной сфере многочисленных учеников. Лишь в поздних работах он посвятил праву ряд ценных замечаний, которые могут служить путеводной нитью в феноменологических исследованиях права. Главный вопрос, стоящий перед феноменологическим исследованием права, заключается в том, что остается от права после заключения «в скобки» (метода эпохе). Не расставляя на праве специальных акцентов, Гуссерль считал, что после этого (заключения «в скобки») происходит восстановление образа предмета в интенциональной форме. Это делает эксплицитным, с одной стороны, особенности его бытия, а с другой — условия его конституирования⁴⁴.

⁴¹ Husserl E. Cartesianische Meditationen und Pariser Vorträge // Gesammelte Werke. Bd. 1. Haag, 1950. S. 82–83.

⁴² Особое развитие сферы структурно-функциональной интенциональности произошло благодаря Р. Карнапу. Все языковые выражения, считал философ, имеют интенциональные структуры. В общем виде интенсия — это намерение, исходящее из содержания высказывания. То, что в логической семантике называется интенсией, в феноменологии — интенциональность, и оба термина означают одно и то же: каждое сознание имеет открытый горизонт и ссылки на потенциальность значений, которые принадлежат ему (см. также: Searle J. 1) Intentionalität. Eine Abhandlung zur Philosophie des Geist. Frankfurt, 1987; 2) Speech acts. London, 1969; Austin J. How to do Things with Words. Oxford, 1962).

⁴³ Такой аспект читаемости связан с современными представлениями о том, что мысли имеют свой язык — язык ментальных репрезентаций, с особым синтаксисом и семантикой. Развитие идет с работ Ф. Brentano (см.: Brentano F. Psychologie vom empirische Standpunkte. Leipzig, 1874) до современных точек зрения, например, у Д. Фодора (Fodor D. Psychosemantics. The Problem of Meaning in the Philosophy of Mind. Cambridge, 1987).

⁴⁴ Введение понятия «конструкция» (или «конституция») позволяет, по замыслу феноменологии, учитывать особенности оформления предмета. Зависимость представления от сознания («имманентная данность»), с одной стороны, и понимание его содержания через «апперцепцию» — с другой, делают наглядным существование особого промежуточного звена, что представляется очень важным для обоснования феноменолого-коммуникативного правопонимания. Переход от пассивности сознания (в классическом подходе) к его активности (в постклассическом подходе) в процессе «собираания» содержания в некое единство показывает особое место субъекта в этом процессе. Феноменология предлагает новый термин, характеризующий процесс понимания, — понятие «ассоциация», которую можно интерпретировать как активную пассивность сознания. Оригинальность идеи ассоциации состоит в способе пред-

Феноменологическое описание предмета предполагает реконструкцию предметной сферы. Цель состоит в исследовании особенностей существования соответствующего предмета. Данный процесс начинается с выделения и анализа онтологических регионов права. По сравнению с пространственно-временными предметами, например вещами материального мира, право ближе к идеальным предметам. Однако с точки зрения феноменологии идеальность права имеет специфические особенности, поскольку право всегда привязано к его духовному носителю. Если реально-материальное самодостаточно в силу своих единичных координат локализации во времени и в пространстве, то идеальность права представляет собой вид особой реальности, которая никогда не существует сама по себе. Предметы такого вида бытия привязаны к пространству возможностей, но не случайности, а квазиреальности как реальности вероятностно-фактической. Объекты такой реальности не индивидуальны, они не могут появиться в любом месте и в любом времени вне зависимости от субъекта. Они всегда привязаны к субъекту, который реализует или выражает их через свое восприятие и отношение. С субъективно-феноменологической стороны идеальное выступает здесь результатом духовной деятельности, которая может повторяться одним или другим субъектом и соответственно «быть» в разных местах и идентифицироваться только через их посредническую миссию. Таким интенционально-идеальным предметом является не только право, но и многие предметы науки и искусства. Интенционально-идеальные предметы, подчеркивал Гуссерль, не существуют в прямом смысле, а *выражаются* и тем самым как бы доказывают свое существование через акт документирования или рассказа, текстовую форму, действие или инструмент, которыми пользуется интендирующий субъект. Поэтому законодательные тексты, материальные орудия насилия и совершенные действия неразрывно связаны с их носителем — автором, исполнителем, т. е. автором-субъектом⁴⁵.

Право может «схватываться» в виде интенционально-идеального предмета, который имеет различные модусы своего существования: в форме принятия решения, аргументации, акта суждения, действия, понятия и т. д. Все эти предметы права выражены или оформлены в том или ином виде авторами, придающими им определенный смысл. В данном контексте права и обязанности выступают лишь идеальными объектами, которые могут обобществляться, выражаясь единством воли в требованиях,

---

ставления правового предмета, когда «что-то» о «чем-то» напоминает. Это помогает структурировать и разделять разные способы представления права, а затем сравнивать их сходства и различия. Таким образом, обращение к «одному» представлению из «другого» позволяет формировать особую феноменологическую конструкцию — парную связь между различными представлениями, что делает возможным их единство. Наряду с «ассоциацией» существует второй важный этап в процессе понимания — выделение «внутреннего времени» (или «темпоральности») сознания. В представлениях феноменологии темпоральность — форма существования сознания. В этой форме протекает специфический вид бытия — бытие сознания.

⁴⁵ Husserl E. Zitierte unveröffentlichte Manuskripte A V 21 35a. — Цит. по: Loidolt S. Einführung in die Rechtsphänomenologie. Tübingen, 2010.

вещах, целях через идентификацию конкретной воли человека, и только так становятся правовым предметом⁴⁶. Выступая особым видом телеологии, акт смыслопорождения может становиться частью социальной онтологии. Смыслорождающая телеология дает основу универсальности бытия трансцендентальной субъективности в качестве особой онтологической формы. «Стремление людей вступать в отношения раскрывается самими людьми и создается для людей. В практических возможностях их границы маркируются и остаются этическими», — подчеркивал Э. Гуссерль⁴⁷. Осознавая, что идея этики о бесконечности совершенства не достижима, мыслитель говорил о невозможности совершенной и завершенной формы трансцендентального дазайна⁴⁸. Смыслопорождение как особая телеология означает саморазвитие, коррелированное с принятием индивидуального решения того субъекта, который действует, желает, решает, и его развитие бесконечно или *рекурсивно*⁴⁹. Классический (метафизический) аспект понимания воли конкретизируется феноменологией как воля исполнения собственной жизни каждого субъекта⁵⁰. Поэтому жизненный мир понимается сферой бесконечного обновления и развития человека и его отношения с Другими⁵¹.

Сфера бытия правового сознания. Сознание «живет» в особом виде реальности: оно существует не субстанционально, а интенционально⁵². Поэтому интенциональность является не только фактором дифференциации онтологии, но и сущностью всех интенциональных предметов сознания. Это дает основание называть феноменологию плюрально-аспектной онтологией, где познающее и понимающее «Я» подпадает одновременно под самые разные сущности⁵³. «Сознание о чем-то» — не пустое содержание. Здесь каждый феномен имеет интенциональную форму, а та соответственно — структуру. Это ведет в интенциональном анализе к анализу отдельных компонентов, которые в свою очередь тоже интенциональны. Неслучайно в своей поздней работе «Формальная и трансцендентальная логика» (1929) Гуссерль вводит категорию «и-так-далее», знаменующую

⁴⁶ Husserl E. Zur Phänomenologie der Intersubjektivität. Texte aus Nachlass. Erster Teil 1905–1920 // Gesammelte Werke. Bd. 13. Haag, 1973. S. 105.

⁴⁷ Husserl E. Zur Phänomenologie der Intersubjektivität. Texte aus Nachlass. Zweier Teil 1921–1928 // Gesammelte Werke. Bd. 14. Haag, 1973. S. 176.

⁴⁸ Husserl E. Zur Phänomenologie der Intersubjektivität. Texte aus dem Nachlass. Dritter Teil 1929–1935 // Gesammelte Werke. Bd. 15. Haag, 1973. S. 379.

⁴⁹ Гуссерль использует в объяснении термин «и-так-далее» (см.: Husserl E. Aufsätze und Vorträge (1922–1937). Haag, 1989).

⁵⁰ Husserl E. Zur Phänomenologie der Intersubjektivität. Texte aus dem Nachlass. Dritter Teil 1929–1935 // Gesammelte Werke. Bd. 15. S. 378–379.

⁵¹ Husserl E. 1) Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie // Gesammelte Werke. Bd. 6. Haag, 1954. S. 15; 2) Formale und transzendente Logik // Gesammelte Werke. Bd. 17. Haag, 1974. S. 3–124.

⁵² Многие ученые все чаще рассматривают сознание как особый вид бытия (см.: Liptow J. Philosophie des Geistes. Junius, 2013. — В отечественной литературе см., напр.: Шульга Е. Н. Философия сознания как фундаментальная проблема эпистемологии. С. 69–89).

⁵³ Васюков В. Л. Формальная феноменология. С. 59.

собой отказ от платоновского идеализма (т. е. идеи без бытия) в пользу *рекурсивных форм понимания*⁵⁴. Они снимают дуализм структуры и функции понимания, поскольку «и-так-далее» означает, что все можно понимать заново. В этом аспекте феноменологическая рефлексия — процесс многомерно-объединяющей интенциональности.

«Состояние понимания (убеждение или сомнение) имплицитно подразумевает переход от одного (объекта) к другому, в то время как объект может оставаться одним и тем же, и этот переход подчинен определенным правилам, связывая мысли одним и тем же способом», — писал позже об интенциональности Ч. Пирс⁵⁵. В феноменологии таким правилом выступает редукция.

Интенциональность процесса восприятия позволяет выделить тип сущности, когда воспринимается вещь или осознается какой-то предмет. Одна и та же вещь может быть наглядна разными способами, например в образе фантазии, куса воспоминания, отражения в представлении, поэтому, обращаясь ко всем интенциональным содержаниям восприятия, они соответствующим способом преобразуются. Все это относится и к суждениям, ценностям, средствам, целям. Они конституируются в потоках интенциональности в соответствии с типом их сущности. То, как доступна нам та или иная вещь или предмет — своим или чужим опытом, имеет принципиальное значение, поскольку нет одинакового опыта, и даже каждый собственный опыт всегда новый⁵⁶.

Вопрос о соединении разных представлений (как своих, так и чужих) в единое феноменологическое поле порождает проблему доступа к этому полю. Основная проблема заключается в том, что внешний опыт не принадлежит опыту интенционального. «Эпохе» как осознаваемый мир означает включенность в осознаваемое, что выводит просто мир из феноменологического поля, превращая его в осознаваемое, воспринимаемое, вспоминаемое или оцениваемое. Мир как таковой и мир в скобках представляют собой разные «предметы», поскольку там, где на место предметов и вещей заступают такие элементы сознания, как «смысл воспринимаемого», «смысл вспоминаемого» и т. д., появляются разные виды реальности — первая материальная, вторая интенциональная. В отличие от естественной установки, где единство предметов и вещей предстает в законченной или обобщенно-абстрактной форме, возникает многообразие модусов сознания, в которых нам являются не просто вещь или предмет, а вещь или предмет в качестве феномена⁵⁷.

Способ рождения феномена — это метод феноменологической редукции. Как подчеркивал Э. Гуссерль, он достигается, во-первых, в методически строгом следовании методу «заклучения в скобки» духовной сферы, где появляются объективные установки как отдельных предметов, так и их

⁵⁴ Husserl E. Formale und transzendente Logik. Versuch einer Kritik der logischen Vernunft // Gesammelte Werke. Bd. 6. S. 196.

⁵⁵ Pearce C. Die Festlegung einer Überzeugung // Texte zur Philosophie des Pragmatismus. Stuttgart, 1975. S. 47.

⁵⁶ Husserl E. Phänomenologia // Encyclopaedia Britannica (1927). — Цит. по: Husserl E. Die Phänomenologische Methode. Ausgewählte Texte. S. 199–200.

⁵⁷ Ibid. S. 202.

целостного состояния; во-вторых, в методическом обучении дескрипции (схватыванию и описанию) многообразия явлений, появляющихся в анализе предметов и их смысловом единстве⁵⁸. Этот процесс состоит из двух уровней феноменологического описания: ноэтического и нозматического.

В немногих работах, посвященных государству и обществу, Э. Гуссерль дает особое понимание природы и развития права. Размышляя о развитии общества, мыслитель говорит не о переходе от ненормативного (догосударственного) общества к нормативному, как принято в классических теориях государства и права, а, наоборот, о развитии от нормативного к ненормативному обществу⁵⁹. В таком подходе он дифференцирует онтологически право и мораль. Если мораль как формально-идеальный конструкт просто предписывает, как следует себя вести, то право *чувствуется* — самовыражается чувствующим и как очевидное для человека добровольно исполняется⁶⁰. Поэтому право органически не может быть связанным с принуждением и никакие логические аргументы не в силах сделать его обязательным⁶¹.

Гуссерль считает, что в реальности существует несколько видов права. Он отличает прежде всего *самовыражаемое* право от права юридического, связанного с властью. Мыслитель полагает, что право можно считать принудительным лишь потому, что власть располагает материально-принуждающими средствами (тюрьмы, орудия и органы принуждения) и использует их для этого. Однако все эти средства не могут быть самостоятельными предметами и существовать сами по себе, скорее, они выступают в качестве предметов интенциональных, поскольку связаны с выражением чьей-то воли. Такая воля интенциональна на основании конкретной связи с индентирующим человеком — президентом, королем, судьей или палачом⁶². Интенциональная связь с личностью волящего делает любые действия ответственными. Соответственно метафизические конструкции «воля народа» или «воля государства» выступают формально-абстрактными субстратами, не имеющими реального бытия. Именно этот аспект ставился Гуссерлем в упрек Г. Кельзену, который ограничивал право формальной онтологией.

Сфера формальной онтологии. Формальная онтология как особая область абстрактных объектов была глубоко разработана Гуссерлем на примере логики. Сущность данной сферы заключается в инвариантности структур формальных объектов, что делает бессмысленным их интерпретацию⁶³. «Хотя Гуссерль отрицал соответствие между частями объ-

⁵⁸ Ibid. S. 219f.

⁵⁹ Husserl E. Zur Phänomenologie der Intersubjektivität. Texte aus dem Nachlass. Erster Teil 1905–1920 // Gesammelte Werke. Bd. 13. Haag, 1973. S. 105–110.

⁶⁰ Ibid. S. 105.

⁶¹ Ibid. S. 106.

⁶² Husserl E. Zitierte unveröffentlichte Manuskripte F I 24, 54b. — Цит. по: Loidolt S. Einführung in die Rechtsphänomenologie. Tübingen, 2010.

⁶³ Драгалина-Черная Е. Г. Формальная онтология как абстрактные логики // Логические исследования. 2005. № 12. С. 162–169.

екта и частями содержания представления, он не отрицал объект как таковой», — пишет российский философ Драгалина-Черная⁶⁴. Вместе с тем объект, который находится в поле внимания феноменологии, — это прежде всего, объект интенциональный. Такой объект характеризуется тем, что он трансформирует отношения между Частью и Целым и они подчиняются не логике с теоретико-множественными характеристиками, а особым мереологическим отношениям⁶⁵.

Инвариантность структур формальной онтологии поддерживается за счет логики, что и делает формальные объекты предметами особой реальности. «Логика в качестве науки о логическом является наукой наук, охватывая логически все другие существующие формы», — писал Гуссерль⁶⁶. Проблема заключается в том, что, упорядочивая содержание сознания, логика не властна над изменчивыми или неоднородными явлениями, которые не могут быть сведены к логической структуре. Метод абстракции, основанный на логике, связывает обобщенный образ — предмет и конкретное через инвариант, формирует класс особых объектов. Их морфология соответствует одноместной предикации, где конкретное имя, выступая терминологическим определением, рассматривается одновременно как сам предмет. По этой причине семиологи относят к сфере формальной онтологии все объекты с бинарной структурой, в том числе теоретические понятия⁶⁷. Научные понятия и философские категории, с помощью которых описывается реальность через соответствующий семантический эквивалент, не просто приписывают значение предметам, но и сами себя обозначают, что делает необходимым их реконструкцию⁶⁸.

Классический подход понимает под объективностью то, что не зависит от ситуации познания или позиции наблюдателя. Очевидно, что «обобщенный» предмет может считаться объективным лишь тогда, когда представленные о нем знания доступны для других. В представлениях классических подходов ограниченность отдельного опыта ситуацией должна устраняться трансцендированием. С точки зрения феноменологии трансцендирование можно понимать не только как выход за границы отдельного представления, но и как конвенциональность. В этом смысле интерсубъективность и конвенциональность в отношении знаний коррелированы друг с другом.

Любой правовой предмет можно рассматривать как объективную данность только тогда, когда его существование не зависит от способов

⁶⁴ Там же. С. 20.

⁶⁵ Там же. С. 18.

⁶⁶ Husserl E. *Psychologismus und transzendente Grundlegung der Logik*-S. 225 // Edmund Husserl. *Phänomenologische Methode*. Reclam, 2002.

⁶⁷ В частности, В. Детель отмечает, что язык теории основан на предикативной логике первой ступени, где понятие идентифицирует и обозначает сам предмет. Предикация как элементарная языковая операция представляет собой процесс, который полностью никогда не свободен от логических форм (см.: *Detel W. Logik*. В. 1. Reclam, 2007. S. 60ff. — См. также: *Schönrich G. Semiotik*. Junius, 1999. S. 32ff.).

⁶⁸ *Carnap R. Der logische Aufbau der Welt*. Hamburg, 1998. S. 14.

представления. Необратимость времени делает жизнь права измеряемой и датируемой, т. е. «данной» в определенное время. Классический подход к обобщению правовых знаний в некий универсальный предмет означает, что предмет права имеет вневременное и внепространственное существование. Иначе говоря, существует «всегда» и «нигде». Поскольку пространство онтологизирует объект, так доказывается его реальность. В этом аспекте обобщенный правовой предмет можно рассматривать лишь как предмет идеальный.

Значение любого априори для Гуссерля заключается в реальности его существования. Такая реальность проявляется в особом акте «само-себя-показывании-сущности» и способности сохранять свои особенности и формы. Субъективный метод установки априори делает эту установку очевидной, что позволяет таким дисциплинам, как математика, избегать парадоксов или кризиса оснований. Подобным способом (априори) можно нейтрализовать догматичность, делая любую догму несамостоятельной отраслью феноменологии, подчиненной эйдетической онтологии⁶⁹. Поэтому вопрос о том, что остается от предмета исследования, если всё «заклучается в скобки», — нормы и ценности, тексты и действия, синтезированные в обычном понимании в некий единый предмет права переадресуется из области эпистемологии в сферу онтологии. Даже если знания «рассыпаются», то остаются регионы бытия, соответствующего разным формам представленного содержания. В этом контексте «бытие мира» — то, что конституирует сознание через собственный опыт, который делает наглядным все смысловое многообразие того, что является нам⁷⁰.

Материальный априоризм А. Райнаха. К формальной онтологии относятся не только формально-логические сущности — юнкторы или кванторы, но и все материальные априори и категориальные формы. Как считал Гуссерль, весь методологический аппарат Аристотеля попадает в формальную сферу⁷¹. Уточняя и углубляя эту позицию, А. Райнах полагал, что необходимо онтологически разделить понятие «вещь» как субстанцию и «вещь» как свойство/состояние. Например, свойство «горячий» или «красный» можно считать свойством вещи, которая является его реальным носителем. Э. Гуссерль разграничил априори и эвиденцию, но без учета того, что вещь может через фактичность свойств не нуждаться в дальнейших доказательствах и быть самоочевидной. К такой самоочевидности А. Райнах относит свойства-состояния «Sachverhalt» (от нем. «фактическое положение дел»)⁷². Самовыражение в правовой плоскости ученый

⁶⁹ Husserl E. *Phänomenologia* // Encyclopaedia Britannica (1927). — Цит. по: Husserl E. *Die Phänomenologische Methode. Ausgewählte Texte*. S. 219ff.

⁷⁰ Husserl E. *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie*. Neu hrsg. von K. Schuhmann // *Gesammelte Werke*. Bd. 3 Halbbd. 1. Haag, 1976. S. 106.

⁷¹ Husserl E. *Logische Untersuchungen. Zweiter Band: Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis*. In zwei Bänden // *Ibid.* Bd. 19. Teil 1–2. Haag, 1984. B S. 52, A S. 246.

⁷² Reinach A. *Sämtliche Werke. Textkritische Ausgabe in 2 Bänden*. München; Wien, 1989. Bd. 1. S. 113f.

связывает с понятием «социальный акт», который относит к априори⁷³. При этом он имеет в виду не естественные законы (как считает юснатурализм) и не законы государства или общества (как считает юспозитивизм), а инвариантность структур права, что делает его концепцию формальной онтологией⁷⁴. Таким образом, А. Райнах акцентирует внимание на законах и структурах, не зависящих ни от природы или познания, ни от организации или фактичности мира⁷⁵. Социальный акт, подчеркивает ученый, — это перформативный акт, который сам себя выражает⁷⁶.

Анализируя А. Райнаха с точки зрения современной философии языка, прежде всего из Серля или Остина, можно утверждать, что социальный акт выступает словом — сознанием, т. е. одновременно и как акт исполнения, и как ментальный процесс. Например, действие-обещание формирует живую социальную ткань отношений человека с человеком. Объединяя язык и действие, социальный акт приобретает следующие характеристики: 1) интенциональность, 2) спонтанность, 3) связь с другим, 4) потребность в осведомлении или подтверждении (т. е. знании) данного акта⁷⁷. Интенциональность означает, что сознание направлено на конкретный предмет — вещь, цель, действие и т. д. Спонтанность означает внутреннюю активность в исполнении действия, которое еще не выражено фактически, но подготовлено и незримо присутствует в нем. Автором действия выступает феноменологический субъект, т. е. тот конкретный человек, кто совершает такое действие — принимает решение, просит о чем-то, утверждает, спрашивает, приказывает и т. д. Связь с другим (как говорит Райнах, «чужая персональность») не является обязательным элементом: «Есть действия, в которых субъект направляет действие или восприятие на самого себя — самоненавидит, саморассматривает и т. д. Иначе говоря, выступает одновременно как автор и как адресат интенциональности, в чужой же персональности, наоборот, собственное действие направляется на другого», — пишет А. Райнах⁷⁸. Потребность в осведомлении или подтверждении (знание об акте) — установление положения дел, которого фактически нет. Это не характерно для извинения, но характерно для приказа. А. Райнах полагает, что мы никогда не исполним приказ, если ясно, что лицо, подписывающее его, неспособно осуществить такое предписание⁷⁹.

Сознание в праве — это особый корреляционный предмет сознания и мира. Мир выступает как промежуточная зона, требующая коммуникации, поскольку схватываемость сущности привязана к ней. Исполнить приказ или просьбу означает изменить что-то в мире⁸⁰. Исполнение социального акта — это движение «от» внутреннего «к» внешнему и «между» одновременно, т. е. в интенциональной сфере среди других людей. Про-

⁷³ Ibid. S. 146.

⁷⁴ Ibid. S. 273.

⁷⁵ Ibid. S. 278.

⁷⁶ Ibid. S. 148–163.

⁷⁷ Ibid. S. 158.

⁷⁸ Ibid. S. 159.

⁷⁹ Ibid.

⁸⁰ Ibid. S. 163.

явления социального акта могут произвольно меняться в конструктивном отношении и выражаться в качестве того или иного продукта⁸¹. Обязательность исполнения обещания возникает только тогда, когда обещающий способствует соединению намерения и случая, и эта связь приводит к изменениям в мире⁸². Такой аспект объясняет разграничение Райнахом права относительного и права абсолютного. Последнее всегда связано с непосредственным участием субъекта. Если человек — прямой участник интенционального процесса, то это абсолютное право, которое зависит от его собственных действий. Относительное же право — это право, когда исполнение действия связано с другими и не зависит от нашей воли⁸³. Предлагая новый путь развития права, Райнах полагал, что данное право принадлежит формальной онтологии, которую он воспринимал как эквивалент онтологии материальной, за что его критиковал Э. Гуссерль.

Формальный априоризм Г. Кельзена и Ф. Кауфмана. Как ни парадоксально, но Г. Кельзен был поклонником работ Э. Гуссерля. Создавая чистую теорию права, он считал, что ориентируется на идеи феноменологии. «Чистоту» права он искал в свободе права от идеологических и естественнонаучных установок, выделяя ценность логических исследований Гуссерля. Логика в представлениях Кельзена является пространством идеальных предметов или, как выражался сам автор, «теоретической областью, которая защищена от психологизма»⁸⁴. Несмотря на стремление использовать идеи Гуссерля, Кельзен не смог выйти за рамки кантианства, оставаясь, по сути, неокантианцем. Э. Гуссерль, знакомый с работами Кельзена, отмечал, что противопоставление эмпирических чувств и априорных форм в чистой теории права, делает затруднительным соединение этих элементов⁸⁵. Сама же концепция Кельзена была отнесена Гуссерлем к категории формально-априорных проектов.

Известный юрист Феликс Кауфман, считавший себя учеником венской школы и Г. Кельзена, пытался развивать его идеи в феноменологическом ключе. В известной работе «Логика и право» (1922) Ф. Кауфман предложил свой проект «формальной онтологии», куда включил не только логику, но и целую сферу познания, охватывающую эпистемологию, критическую теорию и теорию науки вообще. Правовую теорию ученый считал как логической, так и априорной наукой. В отличие от А. Райнаха, которого занимали материальные условия существования априори, Кауфмана интересовали формально-грамматические условия существования права, куда он относил прежде всего «правовые предложения»⁸⁶. Следуя этой идее, Кауфман называл «сущностью права» правовое понятие, которое, как он ошибочно полагал, независимо ни от чего⁸⁷. Аргументы Гуссерля против

⁸¹ Ibid. S. 160.

⁸² Ibid. S. 148.

⁸³ Ibid. S. 221.

⁸⁴ Kelsen H. Reine Rechtslehre. Nachdruck der Aufl. 1960. Wien, 2000. S. 3.

⁸⁵ Husserl E. Aufsätze und Vorträge (1922–1937). S. 221.

⁸⁶ Kaufmann F. Logik und Rechtswissenschaft. Grundriß eines Systems der Reiner Rechtslehre. Tübingen, 1922. S. 54.

⁸⁷ Ibid. S. 126.

психологизма Кауфман переформулировал следующим образом: «Все законы психического являются законами опыта. Их значение ассерторическое⁸⁸, и на этой основе невозможно основать аподиктические⁸⁹ значения логики. Попытка вывести логику из психологии приводит к необходимости преобразовывать логические заключения в заключения опыта. Такое превращение делает логику бессмысленной, а теорию невозможной», — писал Ф. Кауфман⁹⁰.

Отталкиваясь от идей Э. Гуссерля, изложенных в его исследовании «Факт и сущность» в качестве принципа различения фактических и эйдетических наук, Кауфман ищет точку сближения с Р. Карнапом и другими представителями венского кружка. Он полагает, что Г. Кельзен опирается в своем учении на опровержение феноменологией психологизма. Однако Кельзен, сводя все к основной норме, опирается на систему циркулярного мышления кантианства. Так, он понимает право как норму, должностование, порядок, которые выводятся дедуктивным путем. Правопорядок является для Кельзена конгломератом норм, содержание которых заполняется неким идеальным субъектом, называемым им «авторитетом»⁹¹. Очевидно, что дедуктивно выстроенная норма, выступающая априори, опирается на логику и теоретическую философию. Даже правовое значение события выводится дедуктивно, следуя абстрактной схеме мышления⁹². Это не имеет ничего общего с феноменологией.

Полагая, что право — сформулированные и санкционированные нормы о человеческом поведении, Кауфман придает специфическое содержание правовым высказываниям. Поэтому задачей теории права он видит, с одной стороны, разработку метода для схватывания смысла содержания правовых предложений в дескриптивном анализе, а с другой — создание особой связи, которая сводит все воедино⁹³. Вопрос о том, как соединять такие разнородные сущности, как факты, ценности, действия и правовые предложения, остается в его концепции невыясненным. Применение феноменологии Ф. Кауфмана ограничивается априоризмом, который представляет абстрактную теорию права, не способную быть частью жизненного мира. Таким образом, данный проект ограничивается формальной онтологией, где право лишено живой связи с миром человека.

⁸⁸ Ассерторическое суждение (лат. *assero* — утверждаю) указывает на присутствие у предмета определенного признака, лишь констатирует действительность, не носит силы утверждения, функции идеи, значения или необходимости, а фиксирует состояние дел, играя роль аксиомы.

⁸⁹ Аподиктические суждения (от греч. *apodeixis* — доказательство) являются суждениями классической логики, характеризующимися их модальностью, и выступают априори.

⁹⁰ Kaufmann F. Logik. S. 6.

⁹¹ Kelsen H. Was ist die Reine Rechtslehre? // Rechtsphilosophie oder Rechtstheorie? Darmstadt, 1988. S. 243.

⁹² Kelsen H. Reine Rechtslehre. Nachdruck der Aufl. 1960. S. 4.

⁹³ Kaufmann F. Die Kriterien des Rechts. Eine Untersuchung über die Prinzipien der juristischen Methodenlehre. Tübingen, 1924. S. 69.

Как подчеркивал Гуссерль, правовое общество может идентифицироваться в качестве intersубъективного, только если право признается и создается конкретными субъектами. Правовые правила превращаются в правила принуждения или нормы, только если члены общества признают эти нормы и принимают обязательства. Только признание может поддерживать право в ракурсе наказания. Общие нормы воления действуют *параллельно* с нормами права, но не замещают их, поэтому правовое общество должно создавать условия для признания и тех, и других и уметь использовать их диалектически⁹⁴. Гуссерль подчеркивал, что принуждение следует различать как в материальном, так и в идеальном смысле. Право не является продуктом культуры, как музыка или язык. Сообщество, которое учреждает себя как определенный союз или объединение, руководствуется волей в поиске компромисса, и только так осознается единство взаимных прав и обязанностей⁹⁵. Анализируя эти идеи, Ю. Хабермас считает, что права без фактических принудительных компонентов не существует. «Фактичность права как социального института состоит в претензии права быть значимым, а значит, иметь intersубъективную основу, необходимую для признания и эффективности действующих норм», — пишет философ⁹⁶. Представляется, что данный подход не учитывает тот факт, что право является многомерным феноменом, не сводящимся просто к фактической реальности.

Общие формы правовых явлений — это нормы суждения о них, значит, позитивный порядок в феноменологическом анализе должен быть соединен с одной стороны, с intersубъективным, а с другой — с индивидуальным пространством. Обоснование связей между ними выступает главной проблемой феноменологии права, которая предлагает различные решения. Так, А. Райнах связывал процесс соединения с социальными актами. Их смысл заключался в переходе от конституции материальных вещей с ее упрощенностью восприятия к соединению разных предметных регионов в интенциональном акте сознания⁹⁷. Так должна рождаться новая предметность высшего порядка — право intersубъективного сообщества.

Онтология социальной реальности А. Шюца. Известный феноменолог А. Шюц занимался анализом социальной реальности. Высоко оценивая идеи Г. Кельзена, в отличие от него Шюц искал место права в конструкции жизненного мира. Идея мыслителя о том, что человек не только мыслит, но и действует, чувствует и воспринимает, является феноменологической идеей, в основе которой лежит интенциональность. Мыслитель дифференцирует просто поведение (как абстрактный тип) и человеческое действие (как интенциональный тип). В 1932 г. в своей главной работе «Смысловая

⁹⁴ Husserl E. Zur Phänomenologie der Intersubjektivität. Texte aus dem Nachlass. Erster Teil 1905–1920. S. 106.

⁹⁵ Ibid.

⁹⁶ Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. Frankfurt, 1994. S. 15–61.

⁹⁷ Husserl E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Neu hrsg. von R. Schuhmann // Gesammelte Werke. Bd. 3 Halbbd. 1. Haag, 1976. S. 354.

структура социального мира» Шюц пишет: «Трансцендентальная феноменология раскрывается в разных слоях философии, которые должны быть направлены на реальное обоснование проблемы смысла»⁹⁸. В этой позиции прослеживается влияние не только Э. Гуссерля, но и Н. Гартмана, который занимался дифференцированной онтологией «многослойной реальности».

Следуя главному феноменологическому посылу, согласно которому смыслопорождение — это продукт интенциональности, Шюц видит свою задачу в том, чтобы создать адекватную конструкцию социального мира, помогающую схватывать «смысл»⁹⁹. Такая конструкция базируется, как и предлагал Э. Гуссерль, на структурном анализе. Априоризм, который предпочитает Шюц, также ограничивает феноменологический метод, как и разработка «чистой грамматики», поскольку оба подхода преследуют чисто эпистемологические цели, что критиковал сам Гуссерль. Корреляционное априори акта и предмета у Шюца выступает стремлением следовать феноменологической линии Гуссерля, но это ограничивает выход на уровень интересующего и, следовательно, не способствует главной цели Шюца — обоснованию «жизненного мира».

Почему так произошло, становится ясно из следующих размышлений. Главный элемент феноменологического метода — сущность предмета, которая является не самоцелью, а преследует цель смыслообразования, что делает просто мир «жизненным миром». По этой причине на переднем плане учения Шюца не структура права, а «структуры» жизненного мира: пространственные, временные, социальные и другие смыслопорождающие формы. Философ использует структурный анализ для дифференциации «жизненного мира» на различные непохожие сегменты — «окружающего мира» (Umwelt), «совместного мира» (Mitwelt), «домира» (Vorwelt), а затем осуществляет их феноменологическую реконструкцию. Мир человека приобретает очертания благодаря дифференциации объективного и субъективного, для чего мыслитель делит действия как предмет и действия как акт, схватывающие разные структуры мира. Для Шюца мир состоит из объективного и субъективного смысла, которые он разграничивает между собой¹⁰⁰. Субъективное есть смысл, появляющийся благодаря тому, что тот, кто действует, соединяет его со своим действием. Объективное выступает как предмет, дистанцированно редуцирующий на субъекта, и потому не имеет прямой связи с ним. Такое действие возникает рационально в «регионе» сознания, и значение данного действия выводится из выражения, а не исполнением. Этот аспект позволяет назвать концепцию Шюца «семантической теорией значения», где значение имеет эпистемологический смысл.

А. Шюц высоко оценивал чистую теорию права Г. Кельзена. Теория права рассматривается как пример социальных наук, которые базируются на интерпретации, но ее осуществляет не конкретный субъект, а некий «идеальный тип». Если следовать этой идее, то можно предположить, что

⁹⁸ Schütz A. Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt. Eine Einleitung in die verstehende Soziologie (1932). Wien, 1960. S. IV.

⁹⁹ Ibid. S. 33.

¹⁰⁰ Ibid. S. 29.

«общий смысл» собирается через общую норму и коррелируется с правовым актом — действующим и признанным стандартом социокультурного процесса, например решением парламента. Основной смысл социальной онтологии Шюца обозначается понятием «инвариант», где мир социального выступает таким миром, который соединяет воедино разные смыслы¹⁰¹.

Трудно оспорить идею Шюца о том, что внешний мир принадлежит не только одному человеку, но и делится с другими, — и это вызывает необходимость собирать разные интенции, переводить их из одной в другую¹⁰². Вместе с тем, интересубъективность — не просто собирание, а отношение субъективностей и их соотношение между собой. Способы интерпретации могут быть различными, и научная интерпретация отличается от нарратива, что делает затруднительным подчинение их общей схеме, как предлагает Шюц¹⁰³. Поэтому недостаток социальной онтологии философа состоит в том, что связь субъективного и объективного осуществляется на основе «идеального типа» и шаблонов понимания.

«Жизненный мир» в понимании Гуссерля — мир донаучного опыта. Знание предполагается здесь существующим до познания, поэтому феноменологию можно называть социологией знания, границы которого раздвигаются человеком. Опыт может меняться или трансформироваться культурно меняющимися формами сознания, но в них всегда остается то, что способно поддерживать и восстанавливать целостность конструкции предмета. Структура, которая лежит в ее основании, выступает сцеплением между предметом и процессом его оформления. И хотя Гуссерль постоянно употребляет термин «синтез», протекает этот процесс аналитически¹⁰⁴.

Непредметная онтология права. Идея о способности к самовыражению была положена в основу непредметной онтологии. К наиболее ярким проектам непредметной онтологии относится фундаментальная онтология М. Хайдеггера. Украинский правовед А. В. Стовба разрабатывает хайдеггеровский проект в отношении права. Ученый полагает, что сущностью права выступает правовое событие (происшествие)¹⁰⁵. По отношению к такому событию автор использует феноменологическое понятие «темпоральность», которое выражает диахронический аспект права — одновременность неодновременного. Специфику правового события Стовба видит в чередовании дистанций и встреч («сомкнутости-разомкнутости») нашего бытия с Другими. Данное чередование соответствует ритму интенциональности, протекающей от фазы ретенции к фазе протенции в жизни сознания.

Онтология ценностей и символических идей. Феноменологическое исследование ценностей осуществил немецкий философ М. Шеллер.

¹⁰¹ Ibid. S. 282–283.

¹⁰² Ibid. S. 196–138.

¹⁰³ Ibid. S. 32.

¹⁰⁴ Husserl E. Die Ideen der Phänomenologie. Fünf Vorlesungen // Gesammelte Werke. Bd. 2. 1 Aufl. Haag, 1950. S. 71.

¹⁰⁵ Стовба А. В. Темпоральная онтология права // Неклассическая философия права / под ред. А. В. Стовбы. Харьков, 2013. С. 127–130.

Ценности, нормативные предложения (синтетическое априори) не имеют критериев истины (что не позволяет проверять их истинность в привычном смысле), поэтому они должны проверяться условиями их осуществления. Как подчеркивал Шеллер, ценность выступает формой, выражающей и оформляющей чувства. Неоформленные или просто чувства представляют собой аморфный материал, который превращается в прочные формы (ценности) через акт сознания. Все ценности М. Шеллер классифицирует на виды и модальности бытия. Так, материальные ценности опираются на «материальные» априори, формальные — на априори «формальные», духовные ценности имеют непредметное, а интенциональное бытие, поскольку они являются коррелятами соответствующих чувств человека. Например, функция приятного или неприятного ощущения привязана к форме чувства соответствующего переживания. Группа витальных ценностей выполняет функцию коррелята соответствующего состояния витальных чувств, духовные же ценности — роль предмета духовных переживаний¹⁰⁶. Право принадлежит, по Шеллеру, к группе ценностей социальных. Ценность правового или неправового чувства опирается на соответствующее переживание. «Предмет» ценности отличается от того, что определяет закон в качестве правомерного или неправомерного, которые лишены интенциональной связи с соответствующим переживанием¹⁰⁷. Таким образом, право как ценность — это особый интенциональный предмет.

Проблема концепции Шеллера заключается в том, что ценность не имеет онтологического статуса реального предмета, но и является просто субъективным представлением. Она обладает специфической «объектной формой», которая трудно поддается определению, что позволяет отнести онтологию ценностей к непредметной онтологии. По сравнению с материальными ценностями, духовные ценности выступают в качестве интенциональных вещей, неразрывно связанных с чувствами человека. Это не квазипредметы типа идей Платона, а продукты наших чувств. Социальная природа ценностей заключается в том, что они становятся таковыми, когда разделяются intersubъективно. Любая формализация права или этики приводит к тому, что масштаб идеального искажает реальную картину мира. Что такое хорошо, а что такое плохо, что справедливо, а что — нет, не описывается и не объясняется. Любая внешняя оценка или описание выступает идеальным значением слов. Только интенциональность действий, чувств или восприятий может идентифицировать ценность. Язык тоже может быть интенционален, если связан с тем, кто интендирует — производит слово, пишет текст, выражает знаком и таким образом придает им смысл. Без интенции любое предписание представляет собой форму без связи с содержанием¹⁰⁸.

¹⁰⁶ Scheller M. Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik. Neuer Versuch der Grundlegung eines ethischen Personalismus. 7 Aufl // Gesammelte werke. Bd. 2. Bonn, 2000. S. 214.

¹⁰⁷ Ibid. S. 142.

¹⁰⁸ Scheller M. Schriften aus dem Nachlass. Bd. I. Zur Ethik und Erkenntnislehre. 2 Aufl. Bern, München, 1957. S. 338.

Онтология действий и событий. Феноменологический анализ связи ценностей и действий человека предпринял немецкий философ В. Шапп. В исследовании «жизненного мира» Шапп применяет многие из идей, развитых М. Хайдеггером. Не случайно основная книга В. Шаппа «Вплетенные в повествования»¹⁰⁹ имеет выраженный экзистенциальный акцент и делает человека центром философской рефлексии. Как показывает ученый, такая рефлексия протекает под влиянием языка. «Мы, люди, постоянно вплетены в повествования, и всякому повествованию принадлежит субъект этого «вплетения»», — пишет во введении к своей книге В. Шапп¹¹⁰. Философ показывает, что ценности соединяют человека с его собственной жизненной историей, в которой он живет, действует и переживает. В. Шапп рассматривает восприятие под девизом Гуссерля «К самим вещам!». При этом он различает два вида восприятия — неинтерпретируемое восприятие, например восприятие звезд, и интерпретируемое восприятие вблизи, например восприятие красок. Нанесенная на вещи краска может по-особому раскрывать пространство, а с ним и форму вещей, и сама краска указывает на особые свойства или характер вещей. Вещью (предметом) В. Шапп называет все, что «имеет историю и что оставляет после себя следы». Каждую отдельную вещь он видит в рамках определенной идеи, для которой важна граница феномена. Эйдетический и жизненный мир связан у Шаппа через повествования — нарративы¹¹¹. Главной темой — «предметом» права он считает договор¹¹². Как показывает мыслитель, любое действие в праве связано с миром ценностей. Так определяется и «собственность». Что является собственным, а что нет, зависит от понимания ценности того, «что-я-создаю-сам». В. Шапп сравнивает форму явления ценности с цветом красок. Мыслитель полагает, что ценность существует «предметно» не в теоретическом и априорном регионе бытия, а в пространстве человеческого восприятия. Ценность сложно объективировать, т. е. сделать предметом анализа, но ее можно *экзистенциально* понять. Исчезновение восприятия в истории философии Шапп связывает с греческой философией. Еще М. Хайдеггер противопоставлял онтологическому горизонту бытия горизонт *онтический*, т. е. свободный от научных знаний, где описанию бытия противопоставляется само бытие¹¹³. В этом контексте В. Шапп обращает внимание на то, что повествования могут описываться или рассказы-

¹⁰⁹ *Schapp W.* In Geschichten verstrickt. Zum Sein von Mensch und Ding. Hamburg, 1953.

¹¹⁰ *Ibid.*

¹¹¹ *Schapp W.* 1) In Geschichten verstrickt. Zum Sein von Mensch und Ding; 2) Philosophie der Geschichten. Leer, 1959.

¹¹² *Schapp W.* Die neue Wissenschaft vom Recht. Bd. 1. Eine phänomenologische Untersuchung. Berlin, 1930. S. 6–7.

¹¹³ Как подчеркивал автор термина «онтический» М. Хайдеггер, дазайн имеет ряд преимуществ перед другими видами сущего благодаря онтичности. Именно онтичность дазайна позволяет определять наше бытие через экзистенцию, что дает дазайну безусловный приоритет перед другими видами сущего (*Heidegger M.* Sein und Zeit. Tübingen, 2001. S. 13).

ваться по-разному, но это отнюдь не означает их объективации (в смысле познания значения вещей).

В. Шапп использует феноменологический метод в исследовании отношений гражданского договора¹¹⁴. Ученый делает акцент на взаимном договоре, который он подразделял на «верхний» и «нижний» уровни. «Нижний» уровень, считал мыслитель, образован ценностями, выступающими значением вещей, а сравнение разных значений выступает основой принятия решений. Оценка вещи в качестве ее значения является своеобразным отношением между вещью и человеком, которые основаны на осмысленном (а не воображаемом) восприятии и знании определенного предмета¹¹⁵. Тем самым В. Шапп стремится сделать оценку свободной от субъективного ощущения. Ценность вещи определяется тем, чем значима она для конкретного человека в его собственном мире. Такую ценность вряд ли можно объяснить с помощью, например, понятий «стоимость» или «получение удовольствий», это скорее экзистенциальная стоимость, не имеющая ничего общего с экономической оценкой вещей. Так, если человек пьет вино, то он оценивает его для себя через ощущения вкусное/невкусное, а не отталкивается от рыночной цены¹¹⁶. Подобная оценка экзистенциальна, поскольку исходит из представления об индивидуальной ценности (вкусе). На «верхнем» уровне договора партнеры договора оценивают свои взаимные взгляды на ценность вещи. Это происходит с помощью сравнения, и именно данный момент — сравнение оценок, является задачей юриспруденции¹¹⁷. По мнению философа существуют люди, имеющие особенности восприятия, например не способные видеть цвет (дальтоники), а также люди, не способные различать ценности, а следовательно, отличать право от неправа¹¹⁸. Поэтому юриспруденция должна быть занята вопросом регулирования обмена¹¹⁹. На «верхнем» уровне осуществляется заключение договора, который выступает *обменом ценностями*. Взаимное влияние первого и второго уровня ставит перед правовой наукой вопрос о том, что вообще может пониматься под договором. По мнению В. Шаппа, позитивное право должно не предписывать или задавать право, а обнаруживать его и выбирать для последующей оценки¹²⁰. Договор выступает естественной структурой, которая могла бы в дальнейшем подтверждаться законом. В отличие от А. Райнаха В. Шапп понимает под социальным актом как психический, так и межпсихический процесс, разыгрывающийся одновременно в сознании каждого из участников.¹²¹

Понимание природы субъекта, обладающего способностью совершать действие, процесс совершения этого действия и отношений между

¹¹⁴ Schapp W. Die neue Wissenschaft vom Recht. 1 Band. Der Vertrag als Vorgegebenheit. Berlin, 1930.

¹¹⁵ Schapp W. Vertrag. S. 2.

¹¹⁶ Ibid. S. 8.

¹¹⁷ Ibid. S. 22.

¹¹⁸ Ibid. S. 168–174.

¹¹⁹ Ibid. S. 27.

¹²⁰ Ibid. S. 5.

¹²¹ Ibid. S. 56.

ними тесно взаимосвязаны со знаковыми отношениями. В свете вышеизложенного становится очевидным, что главной задачей права становится создание таких норм, которые были бы реально исполнимы. Как подчеркивал Х.-Г. Гадамер, описанные образцы поведения не являются тем знанием, которому можно кого-либо научить. «Они лишь схемы и конкретизируются конкретной ситуацией», — подчеркивает мыслитель¹²². В отличие от классических представлений постклассические подходы ищут точку, где происходит «рождение» смысла в сознании субъекта. «В том, что я называю своим разумом или своими идеями — если бы можно было развернуть все их предпосылки, — всегда можно обнаружить переживания, которые не были высвечены, массивные пласты прошлого и настоящего, всю ту “отложившуюся историю”, которая не только касается генезиса моего мышления, но и детерминирует его смысл», — писал Э. Гуссерль¹²³.

В феноменологических исследованиях становится наглядным, что право — это сложный структурный феномен, соединяющий разные компоненты — действия и ценности, формальные правила и их восприятие. Право как «предмет» может рождаться только коммуникативно, через сцепление индивидуально-субъективного и intersубъективного уровней. Для того чтобы разобраться в тонкостях процесса соединения в праве индивидуального и intersубъективного, необходимо осуществлять реконструкцию исторических intersубъективных форм. Как подчеркивал Э. Гуссерль, феноменологический опыт — это подлинный внутренний опыт. Сущностью его выступает рекурсивность, т. е. возможность его развития до бесконечности (*in infinitum*). Опыт может переноситься со своего на чужой, поскольку актуализация жизни Другого исполняется через заключение «в скобки», где становятся одновременно явление и являющееся — ноэма и ноэзис. Феноменологическая редукция — не «общий» опыт и не сумма разных феноменологических полей, а единство intersубъективного. В таком единстве «общее» предстает в интенциональной форме с «очищенным» феноменологическим содержанием. Смысл intersубъективной редукции заключается в расширении «внутреннего опыта» и возможности его переноса на других¹²⁴. Сложная система ссылок и отношений между разными частями «единого» целого порождает особый вид распределенных систем, которые связаны коммуникационной сетью¹²⁵. В феноменологии такая сеть образует intersубъективность, в семиотике — образует знак. В онтологическом аспекте подобный вид коммуникации можно отнести к межрегиональной онтологии, которая выступает медиумом самых разных видов бытия.

¹²² Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М., 1988. С. 378.

¹²³ Husserl E. Formale und transzendente Logik. S. 221 (цит. по: Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. М., 1999. С. 501).

¹²⁴ Husserl E. Phänomenologia // Encyclopaedia Britannica (1927). — Цит. по: Husserl E. Die Phänomenologische Methode. Ausgewählte Texte. S. 203.

¹²⁵ Драгалина-Черная Е. Г. Формальные онтологии: аналитическая реконструкция: дис. ... д. филос. н. М., 2000. С. 162.

Сфера межрегиональной онтологии. «Быть-в мире» как встреча с Другими ставит сложную онтологическую проблему — преодоление «пограничности» жизни человека с Другим. Эта задача видится философу В. Вальденфельсу в феноменологическом обозначении специфической топологии Другого, где онтологическим разграничением «Я и Другой» выступает особая зона, которая обозначается философом термином *zwischen* (от нем. «между, промежутки»). Зона *zwischen* — приграничная онтологическая территория самых разных субъектов с разными видами бытия. Только этот промежуток может быть местом встречи Я с Другими¹²⁶. Наиболее близким к такому пониманию интерсубъективности является феноменолого-коммуникативный подход российского ученого А. В. Полякова¹²⁷. Как подчеркивает ученый, право принадлежит миру значений и смыслов, которые неотделимы от мира сознания — внутренней жизни человека и в то же время от отношений с Другими. Данный подход подчеркивает интенциональный аспект правопонимания. А. В. Поляков полагает, что право — это интерсубъективный продукт, поскольку создается на базе социальных практик. Множественность правовых практик образует сеть коммуникаций, которые занимаются «многоуровневым» смыслом права. Право, считает Поляков, отличается специфической текстуальностью, которая напрямую не считывается, а выводится по определенным следам-признакам. Особенностью правовых текстов является объективированный знаковый символический смысл. Знак создает многомерный образ права, состоящий из материальных и идеальных элементов, значение и смысл которых выводится людьми. По мнению автора, знаки выражают разные виды поведения людей, общающихся друг с другом с помощью права, обмениваясь правами и обязанностями. Таким образом, право, по Полякову, является внутренним языком человеческих отношений, который способствует созданию и пониманию взаимно ожидаемых форм поведения на интерсубъективном уровне. Представляется, что этот подход наиболее приближен к дифференцированной онтологии, поскольку многомерность знака делает очевидным принадлежность права разным видам бытия.

Российский ученый И. Л. Честнов предлагает оригинальный диалоговый проект права. Диалог рассматривается ученым не в классическом понимании, а проявляется во взаимодействии людей, реализующих свои права и обязанности¹²⁸. Фактическое взаимодействие выступает материальной основой права и, таким образом, придает ему онтологическое измерение. Как считает Честнов, право выражается в знаковой форме нормы и одновременно является его образом в правосознании. Сущность права соотносится автором с социальным смыслом, который выполняет функцию обеспечения интересов общества. Внешне право выражает себя как межличностный диалог, содержанием которого выступает процесс об-

¹²⁶ *Waldenfels B.* Topographie des Fremden. Frankfurt a/Main, 1997. S. 33f, 118ff, 140f. — См. также: *Waldenfels B.* Grenzen der Normalisierung. Frankfurt a/Main, 1998.

¹²⁷ *Поляков А. В.* Коммуникативно-феноменологическая концепция права // Не-классическая философия права. С. 94–106.

¹²⁸ *Честнов И. Л.* Диалогическая концепция права // Там же. С. 160–163.

мена взаимными ожиданиями с целью обеспечения порядка в обществе. Хотя автор обращается также к знаковой системе, диалоговый проект права — это прежде всего проект антропологический. Он не может быть опосредованным, вне прямого участия человека.

Как в России, так и за рубежом многие ученые делали интересную предметом онтологического исследования. Так, С. И. Максимов предлагает многоуровневый проект онтологии права. К первому уровню ученый относит мир идей, мир знаковых форм и мир социального взаимодействия. Онтологическая основа права — межсубъектное взаимодействие. Право, по Максиму, проявляет свою сущность не как субстанциональная реальность, а как идеально-смысловой аспект социального¹²⁹. В этом контексте правовая онтология выступает как онтология интересности, а смысл права проявляется в должностности. Логическим (исходным) компонентом, на котором строится масштаб оценки права, Максимов считает идею права. Законы и нормы должностности относятся к формально-семиотическим продуктам. Только социальное взаимодействие выступает конкретной сферой бытия права. Правовую реальность, построенную на взаимодействии, Максимов представляет как особую «ментальную паутину» правовых смыслов, которые становятся продуктами реального через поведение людей.

Идея смыслопорождения права выводит нас к феноменологическому пониманию государства. «Государство — это правовое регулирование отношений людей между собой», — писал Гуссерль¹³⁰. Все формы социального мыслитель видит в развитии субъективного, где создание союзов, проявления власти, учреждение социальных и политических институтов связаны с интересным пространством. Как считает феноменолог К. Шуман, в понимании государства Гуссерль ориентируется не на сумму частей в целом, а на особый модус субъективного в его эйдетики-телеологическом развитии¹³¹. Отношения факта и эйдоса подчинены диалектическим отношениям. Критикуя метафизику, Гуссерль подчеркивает, что классическая онтология — это онтология Целого, которая представляет собой телеологию, предпосылающую нечто как факт¹³². «В фактичности такой реальности все рождается из пустоты», — пишет философ¹³³. Государство не самоцель или некий абсолют, а лишь средство, способствующее раскрытию замкнутых на себя Я-монад. Поэтому государство идентифицируется задачей устранять препятствия на пути людей в достижении целей¹³⁴.

Следуя идеям своего учителя, немецкий феноменолог Э. Штайн считала государство онтическим феноменом¹³⁵. Онтические правила являются

¹²⁹ Максимов С. И. Концепция правовой реальности // Там же. С. 31–34.

¹³⁰ Husserl E. Zur Phänomenologie der Intersubjektivität. Texte aus dem Nachlass. Erster Teil 1905–1920. S. 106.

¹³¹ Schuhmann K. Husserl Staatstheorie. Freiburg, 1988. S. 44.

¹³² Husserl E. Zur Phänomenologie der Intersubjektivität. Texte aus dem Nachlass. Dritter Teil 1929–1935 // Gesammelte Werke. Bd. 15. Haag, 1973. S. 197.

¹³³ Ibid. S. 385.

¹³⁴ Schuhmann K. Husserl Staatstheorie. S. 116.

¹³⁵ Stein E. Eine Untersuchung über den Staat. Freiburg-Basel, 2006.

конвенциональными нормами. Термин «онтичность» предлагается для ухода от классической онтологии, поскольку *онто* — бытие может существовать и без *логоса* — знания, зафиксированного словом. По мнению европейского ученого Г. Роблеса, онтическое в отношении права — это правило, которое формируется пространственно-временным контекстом действия (или ситуацией)¹³⁶. Такой контекст не только определяет действия, но и проверяет компетентность субъекта подобное действие совершать. Соответственно случай совпадения правового действия с правовым правилом зависит не от формы правила или нормы (технической, деонтической или любой другой), а от понимания действия и его возможности, которые и формируют правило. Для этого требуется обращение к антропологии: с ее помощью проясняются условия, в которых реально действует человек. «Аналитико-дескриптивный путь конкретной рефлексии сопровождается в таком случае ясной идентификацией субъекта: кто говорит? кто действует? кто страдает? кто отвечает?» — подчеркивает П. Рикер¹³⁷. Не случайно у Э. Штайн государство и право являются неразделимыми в своей идее. Онтическое означает способность к самовыражению. Поэтому за эталон государства Э. Штайн брала средневековый западный тип организации общества, характеризовавшийся локальным правосудием, «материальными» атрибутами самоуправления и нецентрализованной властью¹³⁸.

Мир человека связывался Э. Гуссерлем со свободой, которая идентифицируется им как ответственность. Феноменологическое понимание свободы значительно отличается от того, что предлагает классическая философия. Прежде всего, феноменология считает, что понимание не «нагоняет» предметность права, поскольку ответственность за собственные действия привязана к пространству открывающихся возможностей. Такие возможности связаны не только с потенциальным, но и с реальным знанием и имеющимся опытом, они неотделимы от человека в качестве ответственно действующего субъекта. Убедая нас в том, что право в качестве целого распадается на несколько сегментов, феноменология рассматривает целое только как горизонт различных представлений. Формы и связи между ними обусловлены социокультурными особенностями, условиями познания и ситуацией понимания правовой реальности человеком. Методы научной демонстрации права привели к формализации правопонимания, а «одевание» права в эпистемологические формы — к обесцениванию его духовной составляющей. Поэтому заслугой феноменологии является демонстрация образов и форм человеком и для человека.

¹³⁶ Robles G. Rechtsregeln und Spielregeln. Eine Abhandlung zur analytischen Rechts-
theorie. Wien; New York, 1987. S. 50f.

¹³⁷ Рикер П. Справедливое. М., 2005. С. 36.

¹³⁸ Stein E. Eine Untersuchung über Staat. S. 64.

Литература

- Васюков В. Л.* Формальная феноменология. М., 1999. 222 с.
- Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы филос. герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 699 с.
- Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологическая философия. Книга 1. Введение в чистую феноменологию. М., 2009. 496 с.
- Драгилина-Черная Е. Г.* Формальная онтология как абстрактные логики // Логические исследования. 2005. № 12. С. 162–169.
- Драгилина-Черная Е. Г.* Формальные онтологии: аналитическая реконструкция: дис. ... д-ра филос. наук. М., 2000. 252 с.
- Иванов Д. В.* Что такое квалиа? // Сознание. Практика. Реальность / под ред. И. Д. Джохадзе. М., 2013. С. 30–45.
- Максимов С. И.* Концепция правовой реальности // Неклассическая философия права / под ред. А. В. Стовбы. Харьков, 2013. С. 31–34.
- Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. М: Наука, Ювента, 1999. 608 с.
- Поляков А. В.* Коммуникативно-феноменологическая концепция права // Неклассическая философия права / под ред. А. В. Стовбы. Харьков, 2013. С. 94–106.
- Рикёр П.* Справедливое. М., 2005. 304 с.
- Стовба А. В.* Темпоральная онтология права // Неклассическая философия права / под ред. А. В. Стовбы. Харьков, 2013. С. 127–130.
- Словарь философских терминов / под ред. В. Г. Кузнецова. М., 2004. 730 с.*
- Шульга Е. Н.* Философия сознания как фундаментальная проблема эпистемологии // Сознание. Практика. Реальность / под ред. И. Д. Джохадзе. М., 2013. С. 69–88.
- Честнов И. Л.* Диалогическая концепция права // Неклассическая философия права / под ред. А. В. Стовбы. Харьков, 2013. С. 160–163.
- Austin J.* How to do things with words. Oxford, 1962. 166 p.
- Brentano F.* Psychologie vom empirische Standpunkte. Leipzig, Duncker & Humblot, 1874. 350 S.
- Brentano F.* Die Lehre vom richtigen Urteil: nach den Vorlesungen über Logik mit Benützung anderer Manuskripte aus dem Gebiete der Erkenntnistheorie // Franz Brentano. Aus d. Nachlaß hrsg. von Franziska Mayer-Hillebrand. Bern, 1956. 344 S.
- Carnap R.* Der logische Aufbau der Welt. Hamburg, 1998. 290 S.
- Derrida J.* Die Schrift und die Differenz. Frankfurt, 1972. 451 S.
- Dilthey W.* Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften // Gesammelte Schriften. Bd. 7. Göttingen, 1958. 380 S.
- Detel W.* Logik. Bd. 1. Reclam, 2007. 168 S.
- Fellmann F.* Phänomenologie. Junius, 2006. 196 S.
- Fodor D.* Psychosemantics. The Problem of Meaning in the Philosophy of Mind. Cambridge, 1987. 171 S.
- Gadamer H. G.* Wahrheit und Methode. Tübingen, 1975. 553 S.
- Ingarden R.* Der Streit um die Existenz der Welt. Bd. 2. Formalontologie. Teil 1. Form und Wesen; Teil 2. Welt und Bewußtsein. Tübingen, 1965. 454 S.
- Habermas J.* Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. Frankfurt, 1994. 704 S.
- Hartmann N.* Der Aufbau der realen Welt: Grundriß der allgemeinen Kategorienlehre, von N. Hartmann. Berlin, 1940. 616 S.
- Heidegger M.* Sein und Zeit. Max Niemeyer. Tübingen, 1986. 445 S.
- Husserl E.* Die Ideen der Phänomenologie. Fünf Vorlesungen // Gesammelte Werke. Bd. 2. 1 Aufl. Haag, 1950. 93 S.

- Husserl E.* Cartesianische Meditationen und Pariser Vorträge // Gesammelte Werke. Bd. 1. Haag, 1950. 244 S.
- Husserl E.* Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie // Gesammelte Werke. Bd. 6. Haag, 1954. 557 S.
- Husserl E.* Zur Phänomenologie der Intersubjektivität. Texte aus Nachlass. Erster Teil 1905–1920 // Gesammelte Werke. Bd. 13. Haag, 1973. 546 S.
- Husserl E.* Zur Phänomenologie der Intersubjektivität. Texte aus Nachlass. Zweier Teil 1921–1928 // Gesammelte Werke. Bd. 14. Haag, 1973. 623 S.
- Husserl E.* Zur Phänomenologie der Intersubjektivität. Texte aus dem Nachlass. Dritter Teil 1929–1935 // Gesammelte Werke. Bd. 15. Haag, 1973. 741 S.
- Husserl E.* Formale und transzendente Logik // Gesammelte Werke. Bd. 17. Haag, 1974. 510 S.
- Husserl E.* Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Neu hrsg. von R. Schuhmann // Gesammelte Werke. Bd. 3. Halbbd.1. Haag, 1976. 476 S.
- Husserl E.* Logische Untersuchungen. Zweiter Band: Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis. In zwei Bänden // Gesammelte Werke. Bd. 19 (Teil 1–2). Haag, 1984. S. 533–958.
- Husserl E.* Aufsätze und Vorträge (1922–1937). Bd. 27 // Gesammelte Werke. Haag, 1989. 332 S.
- Husserl E.* Cartesianische Meditationen. Hamburg, 1995. 172 S.
- Husserl E.* Die Phänomenologische Methode. Ausgewählte Texte I. Reclam, 1998. 298 S.
- Janich P.* Sprache und Methode. Eine Einführung in philosophische Reflexion. UTB, 2014. 244 S.
- Kaufmann F.* Die Kriterien des Rechts. Eine Untersuchung über die Prinzipien der juristischen Methodenlehre. Tübingen, 1924. 164 S.
- Kaufmann F.* Logik und Rechtswissenschaft. Grundriß eines Systems der Reiner Rechtslehre. Tübingen, 1922. 134 S.
- Kelsen H.* Reine Rechtslehre. Nachdruck der Aufl. 1960. Wien, 2000. 534 S.
- Kelsen H.* Was ist die Reine Rechtslehre? // Rechtsphilosophie oder Rechtstheorie? Darmstadt, 1988. 56 S.
- Liptow J.* Philosophie des Geistes. Junius, 2013. 218 S.
- Loidolt S.* Einführung in die Rechtsphänomenologie. Tübingen, 2010. 411 S.
- Ontologie* // Der Brockhaus Philosophie. Idee, Denker und Begriffe. Leipzig, Mannheim: F. A. Brockhaus, 2004. S. 242–243.
- Ontologie* // Metaphysics. The Cambridge Dictionary of Philosophy. 3rd ed., 2015. P. 661–662.
- Pearce C.* Die Festlegung einer Überzeugung // Texte zur Philosophie des Pragmatismus. Stuttgart, 1975. 255 S.
- Quine W.* Wort und Gegenstand. Stuttgart, Reclam, 1980. 504 S.
- Reinach A.* Sämtliche Werke. Textkritische Ausgabe in 2 Bänden. Bd. 1. München; Wien, 1989. 611 S.
- Robles G.* Rechtsregeln und Spielregeln. Eine Abhandlung zur analytischen Rechtstheorie. Wien; New York, 1987. 229 S.
- Searle J.* Intentionalität. Eine Abhandlung zur Philosophie des Geist. Frankfurt, 1987. 352 S.
- Searle J.* Speech acts. London, 1969. 204 S.
- Schädelbach H.* Erkenntnistheorie zur Einführung. Junius Verlag, 2002. 206 S.
- Schapp W.* Die neue Wissenschaft vom Recht. Bd. 1. Eine phänomenologische Untersuchung. Berlin, 1930. 184 S.

- Schapp W. In Geschichten verstrickt. Zum Sein von Mensch und Ding. Mensch und Ding, Hamburg, 1953. 210 S.
- Schapp W. Philosophie der Geschichten. Leer; Lautenberg, 1959. 334 S.
- Schönrich G. Semiotik. Junius, 1999. 137 S.
- Schütz A. Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt. Eine Einleitung in die verstehende Soziologie (1932). Wien, 1960. 285 S.
- Scheller M. Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik. Neuer Versuch der Grundlegung eines ethischen Personalismus. 7 Aufl // Gesammelte Werke. Bd. 2. Bonn, 2000. 676 S.
- Scheller M. Schriften aus dem Nachlass. Bd. I. Zur Ethik und Erkenntnislehre. 2 Aufl. Bern, München, 1957. 583 S.
- Schuhmann K. Husserl Staatstheorie. Freiburg, 1988. 216 S.
- Stein E. Eine Untersuchung über den Staat. Freiburg-Basel, 2006. 168 S.
- Szilasi W. Einfuehrung in die Phänomenologie Edmund Husserls. Tübingen, 1959. 142 S.
- Waldenfels B. Topographie des Fremden. Frankfurt am Main, 1997. 227 S.
- Waldenfels B. Grenzen der Normalisierung. Frankfurt am Main, 1998. 331 S.
- Wittgenstein L. Logisch- philosophische Abhandlung. Tractatus logico-philosophicus. Kritische Edition. Frankfurt, 1998. 114 S.

References

- Vasjukov V. L. *Formal'naiia fenomenologiiia* [Formal Phenomenology]. Moscow, 1999. 222 p. (in Russian)
- Gadamer H.-G. *Istina i metod: Osnovy filos. germeneytiki* [Truth and Method]. Ed. by B. N. Bessonova. Moscow, Progress, 1988. 699 p. (in Russian)
- Husserl E. *Idei k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskaiia filosofiiia*. Kniga 1. Vvedenie v chistuiu fenomenologiiu [Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy]. Vol. 1. Introduction to a Pure Phenomenology. Moscow, 2009. 496 p. (in Russian)
- Dragalina-Chernaja E. G. Formal'naiia ontologiiia kak abstraktnye logiki [Formal Ontology as Abstract Logic]. *Logicheskie issledovaniia* [Logical investigations]. 2005, no. 12, pp. 162–169. (in Russian)
- Dragalina-Chernaja E. G. *Formal'nye ontologii: analiticheskaiia rekonstruktsiia*. Dis. d-ra filos. nauk [Formal Ontology: analytical reconstruction. Doct. Diss. by of Philosophy]. Moscow, 2000. 252 p. (in Russian)
- Ivanov D. V. [What Is It the qualia?] *Soznanie. Praktika. Real'nost'* [Consciousness. Praxis. Reality]. Ed. by I. D. Dzhozhadze. Moscow, 2013, pp. 30–45. (in Russian)
- Maksimov S. I. [The Concept of Law Reality]. *Neklassicheskaiia filosofiiia prava* [Non-classical Law Philosophy]. Ed. by A. V. Stovba. Har'kov, 2013, pp. 31–34. (in Russian)
- Merleau-Ponty M. *Fenomenologiiia vospriiatiia* [Phenomenology of Perception]. Moscow, Nauka, Juventa, 1999. 608 p. (in Russian)
- Polyakov A. V. [The communicative-phenomenological Concept of Law]. *Neklassicheskaiia filosofiiia prava* [Non-classical Law Philosophy]. Ed. by A. V. Stovba. Har'kov, 2013, pp. 94–106. (in Russian)
- Ricoeur P. *Spravedlivoie* [The Just]. Moscow, 2005. 304 p. (in Russian)
- Stovba A. V. [The temporal Ontology of Law Temporal'naiia ontologija prava]. *Neklassicheskaiia filosofiiia prava* [Non-classical Law Philosophy]. Ed. by A. V. Stovba. Har'kov, 2013, pp. 127–130. (in Russian)
- Slovar' filosofskikh terminov* [Dictionary of the Philosophical Terms]. Ed. by V. G. Kuznecova. Moscow, 2004. 730 p. (in Russian)

- Shul'ga E. N. [Philosophy of the Mind as fundamental Problem of Epistemology]. *Soznanie. Praktika. Real'nost'* [Consciousness. Praxis. Reality]. Ed. by I. D. Dzhozhadze. Moscow, 2013, pp. 69–88. (in Russian)
- Chestnov I. L. [The dialogical Concept of Law]. *Neklassicheskaia filosofii prava* [Non-classical Law Philosophy]. Ed. by A. V. Stovba. Har'kov, 2013, pp. 160–163. (in Russian)
- Austin J. *How to do things with words*. Oxford, 1962. 166 p.
- Brentano F. *Psychologie vom empirische Standpunkte*. Leipzig, Duncker & Humblot, 1874. 350 p.
- Brentano F. Die Lehre vom richtigen Urteil: nach den Vorlesungen über Logik mit Benützung anderer Manuskripte aus dem Gebiete der Erkenntnistheorie. *Franz Brentano. Aus d. Nachlaß hrsg. von Franziska Mayer-Hillebrand*. Bern, 1956. 344 p.
- Carnap R. *Der logische Aufbau der Welt*. Hamburg, 1998. 290 p.
- Derrida J. *Die Schrift und die Differenz*. Frankfurt, 1972. 451 p.
- Dilthey W. Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften. *Gesammelte Schriften*. Bd. 7. Göttingen, 1958. 380 p.
- Detel W. *Logik*. Bd. 1. Reclam, 2007. 168 p.
- Fellmann F. *Phänomenologie*. Junius, 2006. 196 p.
- Fodor D. *Psychosemantics*. The Problem of Meaning in the Philosophy of Mind. Cambridge, 1987. 171 p.
- Gadamer H. G. *Wahrheit und Methode*. Tübingen, 1975. 553 p.
- Ingarden R. *Der Streit um die Existenz der Welt*. Bd. 2. Formalontologie. Teil 1. Form und Wesen; Teil 2. Welt und Bewußtsein. Tübingen, 1965. 454 p.
- Habermas J. *Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats*. Frankfurt, 1994. 704 p.
- Hartmann N. *Der Aufbau der realen Welt: Grundriß der allgemeinen Kategorienlehre*, von N. Hartmann. Berlin, 1940. 616 p.
- Heidegger M. *Sein und Zeit*. Max Niemeyer. Tübingen, 1986. 445 p.
- Husserl E. Die Ideen der Phänomenologie. Fünf Vorlesungen. *Gesammelte Werke*. Bd. 2. 1 Aufl. Haag, 1950. 93 p.
- Husserl E. Cartesianische Meditationen und Pariser Vorträge. *Gesammelte Werke*. Bd. 1. Haag, 1950. 244 p.
- Husserl E. Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie. *Gesammelte Werke*. Bd. 6. Haag, 1954. 557 p.
- Husserl E. Zur Phänomenologie der Intersubjektivität. Texte aus Nachlass. Erster Teil 1905–1920. *Gesammelte Werke*. Bd. 13. Haag, 1973. 546 p.
- Husserl E. Zur Phänomenologie der Intersubjektivität. Texte aus Nachlass. Zweier Teil 1921–1928. *Gesammelte Werke*. Bd. 14. Haag, 1973. 623 p.
- Husserl E. Zur Phänomenologie der Intersubjektivität. Texte aus dem Nachlass. Dritter Teil 1929–1935. *Gesammelte Werke*. Bd. 15. Haag, 1973. 741 p.
- Husserl E. Formale und transzendente Logik. *Gesammelte Werke*. Bd. 17. Haag, 1974. 510 p.
- Husserl E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Neu hrsg. von R. Schuhmann. *Gesammelte Werke*. Bd. 3. Halbbd. 1. Haag, 1976. 476 p.
- Husserl E. Logische Untersuchungen. Zweiter Band: Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis. In zwei Bänden. *Gesammelte Werke*. Bd. 19 (Teil 1–2). Haag, 1984, pp. 533–958.
- Husserl E. Aufsätze und Vorträge (1922–1937). Bd. 27. *Gesammelte Werke*. Haag, 1989. 332 p.
- Husserl E. *Cartesianische Meditationen*. Hamburg, 1995. 172 p.

- Husserl E. *Die Phänomenologische Methode*. Ausgewählte Texte I. Reclam, 1998. 298 p.
- Janich P. *Sprache und Methode. Eine Einführung in philosophische Reflexion*. UTB, 2014. 244 p.
- Kaufmann F. Die Kriterien des Rechts. Eine Untersuchung über die Prinzipien der juristischen Methodenlehre. Tübingen, 1924. 164 p.
- Kaufmann F. Logik und Rechtswissenschaft. Grundriß eines Systems der Reiner Rechtslehre. Tübingen, 1922. 134 p.
- Kelsen H. *Reine Rechtslehre. Nachdruck der Aufl. 1960*. Wien, 2000. 534 p.
- Kelsen H. Was ist die Reine Rechtslehre? *Rechtsphilosophie oder Rechtstheorie?* Darmstadt, 1988. 56 p.
- Liptow J. *Philosophie des Geistes*. Junius, 2013. 218 p.
- Loidolt S. *Einführung in die Rechtsphänomenologie*. Tübingen, 2010. 411 p.
- Ontologie. *Der Brockhaus Philosophie. Idee, Denker und Begriffe*. Leipzig, Mannheim, F. A. Brockhaus, 2004, pp. 242–243.
- Ontologie. *Metaphysics. The Cambridge Dictionary of Philosophy*. Third edition, 2015, pp. 661–662.
- Pearce C. Die Festlegung einer Überzeugung. *Texte zur Philosophie des Pragmatismus*. Stuttgart, 1975. 255 p.
- Quine W. *Wort und Gegenstand*. Stuttgart, Reclam, 1980. 504 p.
- Reinach A. *Sämtliche Werke*. Textkritische Ausgabe in 2 Bänden. Bd. 1. München; Wien, 1989. 611 p.
- Robles G. *Rechtsregeln und Spielregeln. Eine Abhandlung zur analytischen Rechtstheorie*. Wien; New York, 1987. 229 p.
- Searle J. *Intentionalität. Eine Abhandlung zur Philosophie des Geist*. Frankfurt, 1987. 352 p.
- Searle J. *Speech acts*. London, 1969. 204 p.
- Schädelbach H. *Erkenntnistheorie zur Einführung*. Junius Verlag, 2002. 206 p.
- Schapp W. *Die neue Wissenschaft vom Recht*. Bd. 1. Eine phänomenologische Untersuchung. Berlin, 1930. 184 p.
- Schapp W. *In Geschichten verstrickt. Zum Sein von Mensch und Ding*. Mensch und Ding, Hamburg, 1953. 210 p.
- Schapp W. *Philosophie der Geschichten*. Leer; Lautenberg, 1959. 334 p.
- Schönrich G. *Semiotik*. Junius, 1999. 137 p.
- Schütz A. *Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt. Eine Einleitung in die verstehende Soziologie* (1932). Wien, 1960. 285 p.
- Scheller M. Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik. Neuer Versuch der Grundlegung eines ethischen Personalismus. 7 Aufl. *Gesammelte Werke*. Bd. 2. Bonn, 2000. 676 p.
- Scheller M. *Schriften aus dem Nachlass*. Bd. I. Zur Ethik und Erkenntnislehre. 2 Aufl. Bern, München, 1957. 583 p.
- Schuhmann K. *Husserl Staatstheorie*. Freiburg, 1988. 216 p.
- Stein E. *Eine Untersuchung über den Staat*. Freiburg-Basel, 2006. 168 p.
- Szilasi W. *Einfuehrung in die Phänomenologie Edmund Husserls*. Tübingen, 1959. 142 p.
- Waldenfels B. *Topographie des Fremden*. Frankfurt am Main, 1997. 227 p.
- Waldenfels B. *Grenzen der Normalisierung*. Frankfurt am Main, 1998. 331 p.
- Wittgenstein L. *Logisch-philosophische Abhandlung. Tractatus logico-philosophicus*. Kritische Edition. Frankfurt, 1998. 114 p.